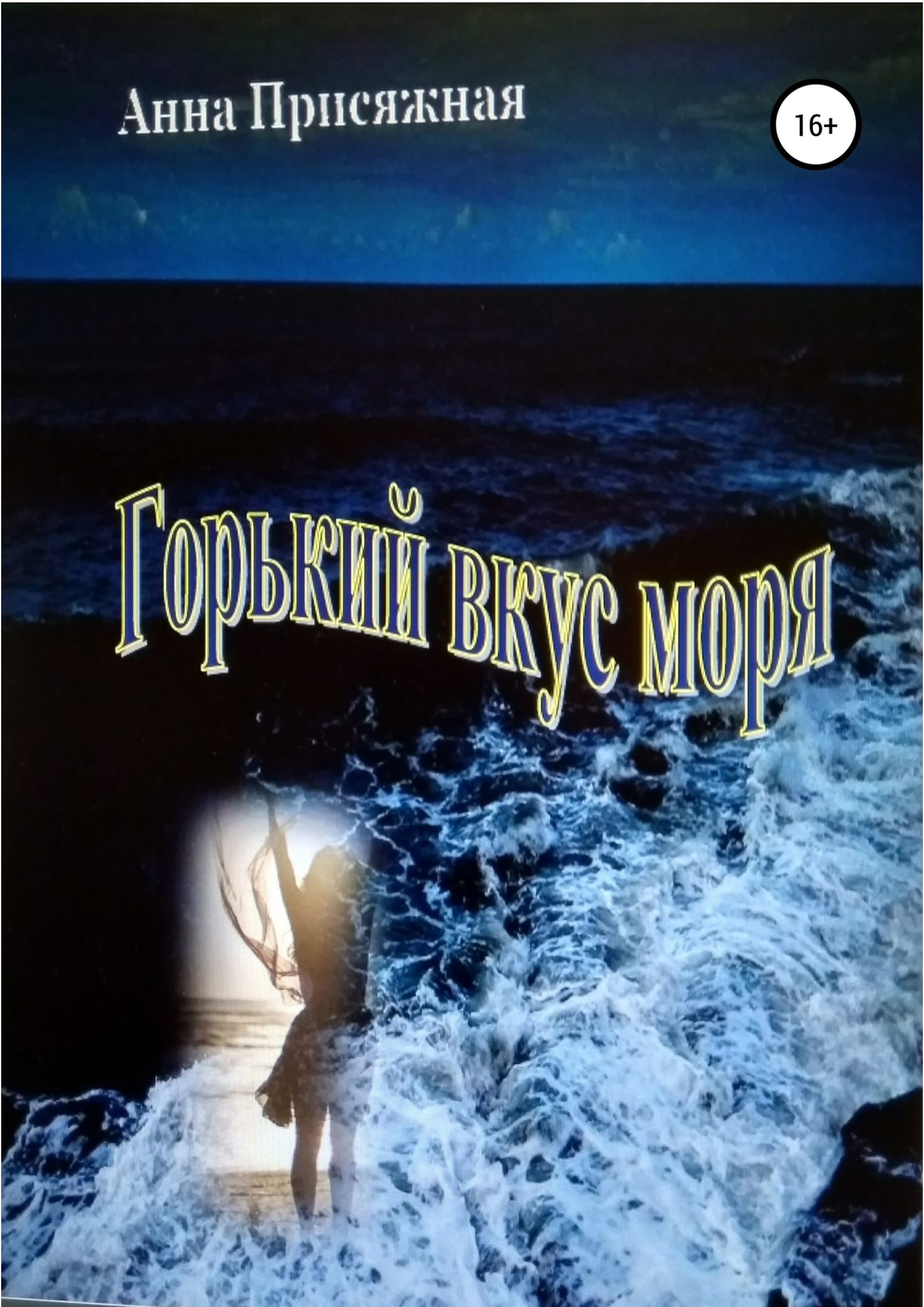

Анна Присяжная

16+

Горький вкус моря

Анна Присяжная
Горький вкус моря

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Присяжная А.

Горький вкус моря / А. Присяжная — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5320-9630-1

Книга повествует о любви. О мечте девушки с детства увидеть море. О семейных перипетиях в семьях. О трагедиях в годы ВОВ. О развале Союза, который просуществовал семьдесят лет. О непростых судьбах людей, живших в разные годы двадцатого столетия на территории нашей необъятной родины под названием Советский Союз. О горе матерей, потерявших своих детей. По своему содержанию книга трагична, но есть и забавные сюжеты, где можно улыбнуться. Желаю приятного чтения.

ISBN 978-5-5320-9630-1

© Присяжная А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Зойкина мечта	6
Неудачная рыбалка	13
Генеральная уборка	15
Глазами ребенка	18
Петькина территория	19
Обуздать жеребца	23
Байки врача, однокашника	25
Отпуск на Кавказе	30
Сон	33
Командировка	35
Пес, по кличке, Джулия	41
Гадалка	43
Крещение	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Не странно ли признавать небо гораздо лучшим земли,
а переселившихся туда – оплакивать?

Иоанн Златоуст

Зойкина мечта

Накрыв праздничный стол, Зоя подошла к окну. Смеркалось. Она посмотрела во двор, где сустились люди, спешили с работы домой. Кого она ждала, не было видно. Сегодня ей исполнилось восемнадцать лет. Ради этого дня она взяла себе выходной. Впервые Зойка отмечала свой день рождение наедине с мужчиной.

Подняв взгляд к небу, которое было чистым, без облачка, солнце спускалось на покой, озарив горизонт, она прошептала: «Наверное, море такое же большое, и голубое».

Зойка всю жизнь, сколько себя помнила, мечтала увидеть море. Прикоснуться к нему, почувствовать его вкус. Увидеть, как плывут корабли.

Друзей ее, в детстве, возили к морю. У Зойкиных родителей такой возможности не было. Отец погиб, когда ей было пять лет. (Разбился на машине, работая дальнотойщиком). Зойка помнила, как мать, узнав о его смерти, завывала, испугав ее. После смерти отца, мать погрузилась в тяжелую депрессию. Но вскоре, пришла в себя, пошла, работать дворником, чтобы быть рядом с домом. Теперь она больше времени уделяла Зойки. Со временем она стала прикладываться к спиртному. А позже, приводить домой пьющих мужиков, пропивая с ними свою мизерную заработную плату. Жили впроголодь. Мать часто занимала деньги у соседей. Первое время те давали ей в долг, помня отца, жалели ее с ребенком. Но она стала пить чаще и чаще, не отдавая долги. И они прекратили занимать ей, находя любые аргументы, чтобы отказать. Зойка обижалась на мать, ругала за пьянство. Когда мать приходила в чувство, обещала ей, что больше такого не повторится, но все начиналось сначала.

При этом в квартире всегда было чисто. Когда мать успевала делать уборку, Зойка не знала, но каждый день, проснувшись ранним утром, обнаруживала чистую одежду и горячий завтрак.

Зойку, хотя мать и одевала в старую одежду, взятую из мусорных ящиков, или принесенную соседями, от своих подросших детей, но вещи все были чистые и выглаженные.

Зойке было стыдно носить чужие вещи, но скрипя сердцем, она их надевала на себя.

Когда ей исполнилось тринадцать лет, мать угодила в тюрьму, убив своего ухажера, которого привела в квартиру. Убила, за то, что тот, чуть было не изнасиловал ее, Зойку.

Зойка старалась забыть эту трагедию. Ей в этом помогали детский врач и психолог, но в ее памяти сохранились некоторые детали всей той страшной истории.

Зойка помнила: мать, в тот день, привела мужика в дом. Они начали очередную пьянку.

Лежа в постели, притаившись под одеялом, она наблюдала за ними сквозь при открывшуюся дверь. Видела, как охмелевший мужик, наливал водку только матери. Та пила рюмку за рюмкой. Сам же он не пил, а пригубив, ставил на стол. В конце концов, мать склонила голову на стол и уснула.

Потрепав ее за волосы, убедившись, что та спит, он направился в комнату, к Зойке.

От страха она закрыла глаза, но тут же открыла их, почувствовав прикосновение чужих рук.

Сорвав с нее одеяло, он ухватился за болезненные комочки – груди, которые только стали созреть, при этом, закрыв рукой ей рот. Зойка успела закричать. От этого крика мать проснулась и влетела в комнату с ножом.

Увидев, разорванную на Зойке ночную сорочку, а сверху развалившегося на дочери своего ухажера, она нанесла ему несколько ударов в спину ножом. При этом, стащив его с Зойки. Дальше Зойка помнила уже с трудом.

Очнувшись она, когда в квартире было много народа, а возле нее сидел врач.

Кровать и пол были залиты кровью, стояли соседи – понятые.

На полу, укрытый простыней, лежал труп, от которого, Зойку, спиной закрывал врач, сидевший рядом.

«Ну, Слава Богу! Очнулась,— проговорил тот, погладив ее по голове.— Все будет хорошо, милая девочка».

Здесь же стояли две дамы, с попечительского совета, которые после и увезли ее с собой в детский дом.

С тех пор мать она не видела. За убийство ей дали семь лет. Где, в какой тюрьме она сидела, Зойка не знала. Письма от нее не приходили. А если и приходили, то ей никто их не показывал.

После окончания девяти классов, Зойка поступила в профтехучилище, на швею. Портниха из нее получилась отличная! Она сама придумывала дизайн модной одежды. Научилась шить модные, экстравагантные платья своим клиентам.

Окончив ПТУ, ее определили на работу в частную мастерскую, по пошиву одежды. Она уже обзавелась своими постоянными клиентами, и хорошо зарабатывала.

В свою квартиру, где проживала с матерью, Зойка вернулась только в семнадцать лет, когда пошла работать.

Подъехав к дому, она съежилась от нахлынувших воспоминаний.

Соседи ее не узнали. За время своего отсутствия Зойка похорошела, ей шел восемнадцатый год. Узнать угловатого подростка в ней, который жил раньше здесь, было трудно. Сейчас она была хороша собой: красива, стройна, модно одета. Платьице, хотя и было сшито из дешевой ткани, очень красиво смотрелось на ней. Модный фасон, облегал ее тонкую талию.

Квартира была опечатана. Открыв ее, совместно с участковым и сотрудником ЖЭК, она увидела беспорядок, оставшейся после уезда ее и матери из квартиры. Все было покрыто пылью.

Зойке было страшно оставаться здесь одной. Она вышла на улицу, чтобы глотнуть немного свежего воздуха. Погуляв, с полчаса, вернулась в квартиру, открыла все окна, нашла перчатки, которыми пользовалась еще мать, и приступила к уборке.

«Надо будет сделать ремонт. Со следующей полочки обязательно начну»,— подумала Зойка и начала мыть окна. Помыв их, пол, протерев мебель, она пошла во двор, вынести мусор.

Возвращаясь назад, проходя мимо почтового ящика, Зойка остановилась, отыскала в связке ключей маленький ключик, открыла его. В нём она обнаружила несколько писем от матери с обратным адресом из Уфы. Они были адресованы ей.

Впервые, за весь день она улыбнулась, и стремглав побежала к себе, наверх. Полностью сделав уборку, когда было за полночь, помывшись, она села за стол, чтобы еще раз прочесть письма матери.

С матерью она не виделась пять лет. В своих письмах та писала, что ищет ее, Зойку, и просит у нее прощения.

Не откладывая в долгий ящик, Зойка написала письмо матери.

Взглянув на часы, на которых было три часа ночи, Зоя выскочила на улицу, чтобы опустить письмо в почтовый ящик.

Вылетев из подъезда, она столкнулась с молодым человеком, который спешил в рядом стоящий дом.

– Ой, простите!– Выпала Зойка.

– Куда это вы так спешите, в такое позднее время?– Обхватив ее, проговорил молодой человек.

Так поздно, молодой, красивой девушке не стоит гулять по улицам.

-Я только письмо опущу в почтовый ящик, почему – то стала перед ним оправдываться Зойка.

Оторвавшись от него, она быстро побежала к почтовому ящику, висевшему на столбе. Опустив письмо, еще раз взглянув на молодого человека, который продолжал стоять и смотреть на нее, она вдруг показала ему язык, и бросилась к своему подъезду.

...Прошел месяц. Зойка, получив зарплату, заехала в хозяйственный магазин. Купила недорогие обои, клей и, взяв такси, все это добро привезла домой.

«В выходной день и начну ремонт, – проговорила она, запыхавшись, когда перешагнула порог своей квартиры. – Ничего, потихонечку буду делать».

Уставшая за день, Зойка присела на стоявший в коридоре комод. Отдохнув, минут пять, она пошла в ванную комнату.

... Ранним утром – это была суббота, она взяла на работе два дня за свой счет, и приступила к ремонту квартиры. Вскоре, этот труд оказался для нее непосильным. Махнув рукой, как бы говоря: «Отдохну», она умылась, переделась, и вышла на улицу.

Оглянувшись по сторонам, направилась в парк, где часто гуляла с родителями. Села на лавочку у пруда, и стала наблюдать за утками. Задумалась. Вспомнила мать, отца, который часто брал ее на руки и уносил в постель спать, рассказывая ей интересные сказки, от которых она засыпала.

Как они ездили за грибами. И сюда, в парк они приходили кормить уток...

Она не заметила, как к ней подошел молодой человек. Очнулась она только от его голоса:

-Вы позволите с вами рядом посидеть и помечтать? – Голос был знаком, приятен на слух. -«Где-то я его уже слышала?» – подумала Зойка. -Да, мы с вами уже встречались. Помните, в три часа ночи, у дома. Вы мне еще язык показали, почему? – Он, как будто прочел ее мысль.

-Просто так, глупость это, простите – и Зойка покраснела.

Она слушала его, украдкой бросая, взгляд на незнакомца и все вспоминала, кому же из знакомых ее принадлежит этот голос. «Я его уже слышала. Чей же он?»

Вспомнив, кого он ей напоминал, она вздрогнула. Посмотрела внимательно на Сергея, с которым успела познакомиться. В нем она узнала своего отца.

У отца были такие же голубые глаза, он так же улыбался, как Сергей, и была точно такая же манера говорить.

-Зоя, что-то не так? Вы, как-то странно посмотрели на меня, с каким – то испугом – спросил ее Сергей.

– Нет, нет! Это я так. Свое вспомнила. – Она резко поднялась и сказав: «До свидания!» – быстро направилась к дому. Надо было продолжить ремонт.

«До свиданья!» – Крикнул ей вдогонку Сергей. – Мы с вами еще обязательно встретимся, пообещайте.

«Не могу обещать!» – Бросила через плечо Зойка и ускорила шаг.

Следующая встреча их вновь состоялась возле дома. Зойка, как будто поджидала Сергея.

– Зоя, я вас не видел целую вечность, здравствуйте! – Проговорил Сергей и, улыбнувшись, предложил прогуляться по свежему воздуху.

Она согласилась на его предложение, как будто ждала этого приглашения.

Они гуляли допоздна. Сергей рассказывал о себе. Зойка больше молчала, она боялась открыть душу чужому человеку. Но с Сергеем ей было спокойно, хорошо. Складывалось впечатление, что она его знает уже давно. Они подошли к дому, когда было глубоко за полночь.

– Простите, я вас в дом, на чашку чая, не приглашаю.

Дело в том, что у меня идет ремонт. Дома беспорядок – быстро проговорила Зойка. Хотя Сергей и не напрашивался на приглашение.

– Зоя, вы совершенно ничего не рассказали о себе. Всю дорогу молчали. Я надеюсь, что мы с вами еще обязательно продолжим разговор.

Всю ночь Зойка не могла сомкнуть глаз. Неизвестное чувство полностью захватило ее и не отпускало ни на секунду.

«Хватит думать, пора спать!» – Приказала она сама себе, и вскоре уснула.

Утром Зоя проснулась сияющей. Глянув в зеркало, произнесла: «А я ничего! – И, рассмеявшись, стала чистить зубы. Срочно надо доделать ремонт! Это не дело, что я живу в такой грязной квартире».

Собравшись на работу, Зойка выскочила на улицу.

Проработав неделю, она вновь взяла отпуск в субботу, чтобы продолжить ремонт.

Ранним утром раздался звонок в дверь. Зойка никого не ждала и была удивлена, увидев на пороге Сергея, одетого по-спортивному.

«Как он узнал, где я живу?» – Только подумала Зойка, как Сергей, опередил ее:

– Я тебя увидел в окне, номер этажа и квартиры мне было легко высчитать, я же математик. – Они рассмеялись. – Ты пригласишь меня войти? – Сергей перешел с ней на ты. Он задал ей вопрос, а сам уже перешагнул порог ее квартиры.

Увидев начатый ремонт, он спросил: – Ты, что сама делаешь ремонт?!

– Дааа! Видишь ли, я долго отсутствовала здесь. Поэтому такой беспорядок в квартире, но... Это долго тебе рассказывать. – Она тоже перешла с ним, на ты.

– Пока мы будем клеить, ты мне и расскажешь, где так долго отсутствовала – и, сняв с себя футболку, оставшись в спортивных брюках, он взял ведро с клеем, разложил обои на полу и приступил к работе.

Зойка любовалась его красивым, спортивным телом, помогая ему резать обои и, впервые разоткровенничалась.

Рассказывая Сергею о своей нелегкой судьбе, порой роняя слезу, Зойка не могла остановиться.

Она рассказывала о себе все подробно, ничего не тая. Ей впервые было легко говорить чужому человеку все о себе. Ему она сказала и о своей мечте, увидеть море.

После ее слов, Сергей подошел к ней близко, так, что Зойка услышала его биение сердца и, коснувшись ее губ своими губами, прошептал: «Увидишь, море, обязательно, обещаю!»

Обои они клеили до глубокой ночи. После, приняв душ, они свалились от усталости.

Зойка была рада, что Сергей не требовал от нее близости.

Почти месяц, каждую субботу, они делали ремонт.

Обои, на кухню и прихожую они купили уже вместе. И закончили ремонт к ее дню ее рождения.

На дворе стояло лето, шел июль месяц. Зойке стукнуло восемнадцать лет. Приготовив праздничный стол, она, одев, сшитое ею, крепдешинное платье, которое облегалo ее стройную фигуру, стояла сейчас у окна, поджидая Сергея. Задумавшись, она снова вспомнила мать и отца.

«Как ты там, мамочка? Написала мне, чтобы я не приезжала к тебе, так как ждешь досрочного освобождения. Главное, чтобы ты не вернулась к своему прошлому». – Зойку пугало больше всего это.

Она не услышала, как вошел Сергей. Он открыл дверь своим ключом, (связку ключей Зоя дала ему своей матери). От его прикосновения она вздрогнула.

-Что грустишь, дорогая?– Он вручил ей букет роз. – Поздравляю тебя, милая, с днем рождения!

А сейчас танцуй! – Он поднял вверх руку, в которой были зажаты билеты.

– Мы едим в Крым, к морю!

Зойка завизжала от радости и бросилась Сергею на шею: Спасибо, милый! Вот это подарок!!!

-Выезжаем через неделю. Тебе за это время надо решить вопрос с отпуском.

Я уже все оформил на работе, остается дело за тобой.

Зойка была на седьмом небе от счастья. Всю неделю она готовилась к поездке. Сшила себе новый сарафан, купила новый купальник. Теперь она целыми днями только и знала, что пела и улыбалась, делая все машинально.

... Стук колес звучал для Зойки, как джаз.

Она поняла, что влюблена по уши в Сергея и счастье переполняло ее.

Ей было хорошо, как в далеком детстве, когда был жив отец, и мать не пила. Было весело и безопасно.

Вот уже полтора месяца как она была с Сергеем и не могла надышаться каждым днем, проведенным с ним.

Лежа на верхних полках купе, они сцепили свои руки в замок и смотрели на пробегающие поля, леса, реки, порой так и засыпая.

Спускались вниз только по нужде или, чтобы выскочить на остановке, подышать свежим воздухом.

Она всю дорогу улыбалась, представляла встречу с морем, с чем – то божественно – красивым, и у нее перехватывало дыхание.

Сергей забронировал номер в отеле у моря. Он хотел сделать ей приятно. Порадовать ее, чтобы первая поездка осталась в памяти навсегда.

Окна в номере выходили на море. Увидев его, Зойка подпрыгнула и издала восторженный крик:

«Сереж, милый, чемодан разберем после, пойдем же скорее к морю. Я хочу к нему прикоснуться», – и, схватив его за руку, потащила из номера.

Обняв, Сергей прошептал ей: «Как скажешь, дорогая!» И они побежали к морю.

У Зойки горели глаза. Она не слышала, что говорил Сергей. Ее тянуло, как магнитом к воде. Ей хотелось прижаться губами к морю, поздороваться с этим гигантом.

«Боже! Какой простор!» – прошептала Зойка.

Она вспомнила, как часто мать, влюблено смотрела на отца, напевая ему песню о море.

Зойка зашла в воду по колено. Почувствовав, прикосновение теплых волн, протянула руки, куда – то и запела. Ту самую песню, что пела мать отцу:

«О, море, море, преданным скалам,

Ты ненадолго подаришь прибой.

Море, возьми меня в дальние дали,

Парусом алым вместе с собой»...

Закатав брюки до колен, Сергей присоединился к ней. Обняв ее за плечи, он поцеловал в висок и прошептал: – Мы, милая, будем каждый год сюда приезжать. Не возражаешь? – Зойка мотнула в знак согласия головой, а сама неотрывно смотрела на море. – У нас с тобой, дорогая, все впереди. И вновь, поцеловав в макушку, он взял ее за руку, и они побрели вдоль берега, не выходя из воды.

...Время неумолимо летело быстро. Заканчивался десятидневный отпуск.

Зойка еще никогда так не отдыхала в своей жизни. Она впервые была счастлива. Все плохое ушло, будто море унесло его вдаль.

Перед отъездом Сергей пригласил Зойку в ресторан. Они заказали бутылочку вина.

Выпив по бокалу, Сергей, взял Зойкину руку и, глядя в ее синие глаза, произнес: «зайка, я хочу, чтобы ты стала моей женой».

У Зойки закружилась голова, она посмотрела на взволнованного Сергея и сквозь слезы прошептала: Согласна, милый!

– Спасибо, дорогая! По приезду сразу же идем в ЗАГС, подавать заявление – заключил Сергей, надев ей на палец колечко с маленьким голубым камешком.

Побыв в ресторане еще с полчаса, выпив по бокалу вина, они отправились к морю, это была их прощальная ночь с «гигантом». Ранним утром они уезжали домой.

Море было беспокойным. Оно, как будто бы злилось, что они уезжают.

Зойка заговорила с ним как старая знакомая: «Ну– ну, уважаемый, не злись. Мы тебя будем навещать каждый год. Обещаю.....!» – И закричала под шум волн.

– Дорогая, а я хочу напоследок искупаться. Не возражаешь?– Крикнул ей на ухо Сергей.

– Нет, нет, милый! Я плохо плаваю, а сейчас такие волны большие. Видишь, как море злится?! Оно не хочет, чтобы мы уезжали. Я – пас! И тебе не советую. Уже поздно, да и стихия бунтует, а с ней шутки плохи.

– Но, я чуть-чуть?! Ведь, уезжаем ранним утром, у нас не будет времени еще разок окунуться. А?!– Сергей, как бы упрасивал Зою, а сам уже снимал с себя одежду.

Раздевшись, он стоял перед ней в одних трусах, загорелый, красивый.

Ты меня здесь, на причале, подожди. Я окунусь и назад.

Он встал на край причала и прыгнул вниз. Волны тут же подхватили его как щепку и понесли. Сергей помахал ей, что-то крикнул, но она не могла разобрать его слов.

Она обрадовалась, увидев, что он возвращается назад.

Нагнувшись за одеждой Сергея Зойка, взяв ее в руки, выпрямилась. И тут увидела, как налетевшая волна приподняла Сергея и стала относить его от берега. Потом вновь подняла и, показав его ей, как будто бы играючи, унесла вдаль.

Зойка стала метаться по причалу, чувствуя страшную беду.

Став, на край причала она попыталась прыгнуть в море, но ее удержали, подошедшие молодые люди.

–Сделайте, что-нибудь!– Стараясь перекричать вой волн, со слезами на глазах, она умоляла присутствующих спасти Сергея.

Двое парней, скинув одежду, бросились вниз, на помощь.

Но волны как будто охраняли свою добычу, не подпуская к ней приблизиться. Они все дальше и дальше уносили Сергея с собой от причала. А вскоре, налетевшая волна накрыла его с головой и обессиленного, с каким – то ужасающим ревом, унеслась вдаль.

Зойка от крика охрипла. Увидев, что Сергей скрылся под водой и больше не показывается, упала без чувств.

Очнулась она в больнице. Рядом стояла капельница, и сидела врач.

«Ну, вот и славненько. Очнулась наконец-то» – сказала та.

«Как там, в детстве» – подумала Зойка. И тут же перед ее глазами возникло бушующее море.

Вскочив, чуть не выдернув иглу из вены, она закричала: «Где Серёжа, что с ним?!» Ужас искалечил ее лицо.

Вспомнив все происходящее на берегу, она вновь потеряла сознание.

Сергея на третий день нашли рыбаки .

Зойка пришла в себя через сутки. Была вся обмякшая от уколов, не понимающая, где она, и что с нею происходит.

–Вам, милая, нельзя так волноваться – сказала, вошедшая врач. У вас будет ребенок и его надо беречь.

У Зойки расширились глаза. Она прижала руки к животу и тихо прошептала: «Серёженька, милый мой! Ты мне оставил частицу себя. Ты будешь всегда со мной. Спасибо, родной мой!» Слезы катились по ее щекам.

За Сергеем прилетели родители. К Зойке они не пожелали зайти, да она и не была в обиде:

«Всё верно, я виновница!» Она отвернулась к стене лицом и притихла. Сейчас она ненавидела море и свою мечту. Вкус моря ей теперь казался горьким.

Держась обеими руками за живот, как будто бы боясь потерять самое сокровенное, то, что, сейчас зарождалось в ее теле, она прошептала: «Всё будет хорошо, мой милый мальчик!– Зойка обращалась к ребенку, как к сыну, почему – то уверенная в том, что там ее Серёженька. У нас с тобой все будет хорошо! Я буду тебе очень хорошей мамой! У тебя не будет такого детства, как у меня. Я обещаю!

© Copyright: [Анна Присяжная](#), 2015

Свидетельство о публикации №215070401062

Неудачная рыбалка

–Привет, Василий! Опоздал я, проспал. Обещал пораньше встать, но... Прости.

–Дураку понятно. Жена тепленькая под боком лежит, чё уж там! – съязвил Василий, который, вот, как час, сидел у пруда, закинув удочку.

–Да нет – смущенно начал было тот.– Засиделся, у телевизора, кино смотрел.

–Что же интересного смотрел?– Васька сделал вид, что заинтересовался.

–Да фильм смотрел. Ты же знаешь, я обожаю фантастику.

– Знаю! – воскликнул, почему-то, Василий.– Я ее не понимаю твою фантастику. И чего ты в ней интересного находишь? – Василий скривил лицо, выражая своё недовольство.

Со школьной скамьи друзья были вместе. Характер у них был разный, но их тянуло друг к другу. Даже, создав семьи, дружбу свою сохранили. Правда, жёны между собою не дружили, и сторонились друг друга.

–Ну что, Вася, ловится рыбка?– задал вопрос друг, которого звали Михаил.

– Да какой там улов?!– выругался Василий. – Только сел, поставил удочку...

Тишина, красота вокруг, птички поют! А тут «спортсмены» побежали. Вечно по утрам бегают со своей зарядкой. А за ними выползли «лыжники». Какой там будет улов?! Всю рыбу распугали своим стуком.

– А-а-а-а! Вон те, со скандинавскими палками?

–Да, они... – выругался Василий. Давай, Миш, наливай, все равно не клюет, – и вытащив из своего рюкзака складной стаканчик протянул другу, зная о том, что у того всегда есть бутылочка в рюкзаке, припасенная накануне рыбалки.

«У Мишки жена, как жена, никогда не проверяет рюкзак, который он собирает на рыбалку, не то, что моя Нюрка», – подумал Василий и сплюнул через левое плечо, при этом заулыбался, увидев, как друг ему наливает заветную жидкость.

–Ты чего плюешься, Вась?

–Да вспомнил свою Нюрку. Вечно лазает по моим карманам. Ничего от нее не спрячешь. Вот у тебя жена, – отличная баба! – Он выпил налитую рюмку, закусил бутербродом и, крякнул от удовольствия.

– Верочку свою я люблю, она мне доверяет – улыбнулся Михаил.

А ты, Нюру, Вась, только тумакami да матом покрываешь. Вот она у тебя и злая такая. Не любите вы друг друга.

За разговором друзья не заметили, как опустошили бутылку водки. Рыба сегодня не клевала.

Стало скучно сидеть, да и солнце припекало.

– Василий, ты как хочешь, а я сбегаю на ту сторону пруда, воо...н, – к тем рыбакам. У них, по – моему, сегодня есть улов. Может, рыбой поделится, за деньги. А то с чем домой придем? А я хочу своей Верочки принести к обеду рыбку, – вновь улыбнулся Михаил и побежал к рыбакам, что сидели напротив.

Василий, махнув рукой в сторону друга, отполз, к рядом растущим кустам и, постелив мешковину под себя, тут же захрапел. Ему было все равно, с чем он придет с рыбалки домой, с полным уловом, или с пустым ведром.

Очнулся он от крика и, кто-то его бил по голове. Спросонья, Василий не мог понять, где он и что с ним.

Открыв широко глаза, он увидел свою жену, которая стояла перед ним разъяренная, и била его полотенцем, смоченным в воде, приговаривая: Ты зачем, подлец, деньги взял, и на что ты их потратил?!

– К..а..а..а..., какие деньги?– отмахивался Василий от жены, как от назойливой мухи.

–Я сейчас тебе покажу, гад ползучий, какие деньги! – И продолжала наносить удары, стараясь попасть Василию именно по голове.

О каких деньгах она говорит, Василий не понимал.

Михаил, который вернулся с противоположного берега, растерянно смотрел на него, не в силах помочь, и только повторял: «Нюра, успокойся, успокойся...»

–Да, «ититвую мать»! – не выдержал Василий. – Ты чего меня позоришь?!

На шум стали подтягиваться прохожие-зеваки, и те самые спортсмены, которых невзлюбил Василий.

Прячась от ударов своей жены, Василий вдруг ретировался в сторону и, как был в одежде, прыгнул в воду.

– Дура ты, Нюрка! Дура бешеная! Какая была дурой, такой и осталась. Ты эти деньги поищи у своего любимого зятя, который ходит, пока твоя, такая же дурра, дочь, в казино. Я давно приметил его там.

– Ах, паразит, ты ещё и по казино ходишь?!– Громче обычного закричала жена и, махая полотенцем над водой, старалась им достать мужа, чтобы ударить того.

Василий бултыхался в воде, выкрикивал обидные для жены слова и не подпускал ее близко к себе.

Глядя на этот спектакль, Михаил вспомнил, как Василий ему неоднократно жаловался на свою нелегкую и несчастную жизнь, и ему стало жаль друга.

Покричав, еще минут пять, жена Василия махнула в сторону мужа рукой, и пошла домой.

Выскочив из воды, Василий встряхнулся как собака, ещё раз выругался, и тут же побрел следом за женой, не обращая внимания на крик своего друга, который предлагал поделить, купленную им, на той стороне пруда, рыбу.

Глубоко вздохнув, он тоже стал собираться домой. Ведь дома его ждала любимая жена, Верунчик, как он ее ласково называл.

© Copyright: [Анна Присяжная](#), 2015

Свидетельство о публикации №215060201164

Генеральная уборка

Приехав домой из аэропорта на такси (она не стала сообщать о своем приезде никому), поставив сумку и чемодан в угол прихожей, Лариса посмотрела по сторонам своей квартиры и, потянувшись, воскликнула:

«Хорошо в гостях – а дома лучше!»

Оценив, взглядом состояние неухоженной квартиры, чувствовалось ее отсутствие, она пробурчала: «Ну и загадили же квартиру без меня!» И, тут же переодевшись, принялась за генеральную уборку.

Стояла чудесная погода! Уборку она начала с мытья окон, и так, напевая, всеми заезженную песенку, в конце концов, добралась, совместно с гудящим пылесосом, до своей любимой спальни. Эту комнату она оставила, как всегда, напоследок. Подойдя к ее двери, которая была закрыта, чему она очень удивилась, так как никогда этого ранее не делала из-за её "скрипучести", не выключая пылесос, она толкнула рукой дверь спальни.

Распахнув дверь, ее взору бросилась вещица, лежащая на полу, у кровати, да еще, не заправленная, скомканная постель.

«Что это?!» – прошептала Лариса, у нее даже голос сел, хотя уже и так поняла, что лежит женский предмет, а в постели явно побывало чужое женское тело.

Не выключая пылесос, она пересекла, совместно с ним, порог спальни и, нагнувшись, стала разглядывать предмет.

Её не было дома чуть больше двух недель. Улетев, на родину, в свой город детства, она наслаждалась там распускающейся весной, которая приходит туда раньше, чем в Москву, и вытеснила из головы приходящие, порою, крамольные мысли.

Нагнувшись к незнакомому предмету, одновременно рукой дотянувшись до гудящего пылесоса, выключив его, она устремила свой взгляд на вещицу, лежащую возле кровати. Не успев её разглядеть, как следует, вдруг, она услышала мужской голос, доносившейся из прихожей.

От неожиданности, Лариса застыла на месте в позе вопросительного знака.

"Я что оставила входную дверь незапертой?!" – с ужасом подумала она, и замерла от этой мысли.

Очнувшись от шока, подскочив, как пружина, она кинулась к комоду, где в одном из шкафчиков лежал газовый пистолет, подаренный ей мужем.

«Для твоей безопасности!» – протягивая его, сказал он.

Схватив его, Лариса стала продвигаться к прихожей, на цыпочках. А там продолжал говорить все тот же монотонный мужской голос.

Дойдя до угла, откуда была возможность наблюдать за прихожей, Лариса остановилась, решив выглянуть. Голос в этот момент смолк.

«Кто здесь?!» – громко закричала она и вылетела из-за угла в прихожую, добавив: Руки вверх! Буду стрелять!» В прихожей никого не оказалось. Осмотрев все углы гостевой комнаты, заглянув в ванную, которая была расположена рядом с прихожей, она отправилась на кухню, но никого не обнаружила и там. Вернувшись в прихожую, проверила входную дверь.

Убедившись в том, что та плотно закрыта на три засова, как она обычно это делает, повернулась, чтобы отправиться вновь в спальню.

«Странно, никого нет, – проговорила она вслух и тут увидела, что на телефоне мигает лампочка автоответчика. Фу ты, чёрт! – выдохнула Лариса в сердцах и опустила пистолет. Слава, Богу, ошиблась!»

Сев, в рядом стоящее кресло, она расслабилась, и даже забыла о незнакомом предмете, лежащем у кровати, в спальне.

Отдохнув минуты две – три, окончательно придя в себя от стресса, вспомнив о предмете, что нашла у кровати, она вскочила с кресла и побежала в спальню. Прибежав на место «преступления», нагнувшись к незнакомой вещице, боясь взять её в руки, она стала вещицу рассматривать. Это была большая женская заколка, усыпанная стразами.

«У меня такой сроду не было, – шёпотом, почему-то, сказала она, добавив: ах, ты шлюха!» – кому это восклицание относилось, можно было только предполагать.

Встав с колен, она побежала в прихожую, к телефону, чтобы позвонить мужу.

«Он, негодяй, в нашу постель посмел привести бабу?!» – Лариса негодовала и разразилась бранью. Схватив телефон, она набрала номер мужа, но, в самый последний момент, почему – то, передумала это делать: «Нет, не буду звонить. Я успею ему устроить еще скандал!» И выпив валериану, продолжила уборку.

Уборка теперь не ладилась, рой мыслей, которые беспрерывно будоражили её мозг, при том только плохого содержания, не давали ей нормально убираться. Она представила, как муж развлекался в постели с молодой, длинноногой девицей, чего не скажешь сейчас о ней самой, и ей стало от этих мыслей еще хуже.

Прожив с ним двадцать лет, родив сына, она располнела, поседела, хотя и старалась закрашивать седину но, тем не менее, возраст брал свое и выдавал все свои недостатки. Все было не в ее пользу.

Взяв, носовым платком, незнакомую вещь, она отнесла ее в прихожую и бросила в тумбочку, проговорив: «Пусть лежит здесь, до полного выяснения».

Пропылесосив, наконец – то, спальню, она поставила пылесос в темную комнату и пошла в ванную.

Сбросив с себя одежду прямо на пол, залезла ванну, вот уже час, как заполненную водой, и с головой окунулось в мыльное блаженство.

Вынырнув из воды, она расслабилась, на какое – то мгновение, забыв обо всех своих тяжелых мыслях.

Закрыв глаза, представила себя молодой, стройной, всеми любимой девчонкой. А рядом парня, – мужа, тоже молодого, красивого со спортивной фигурой и загорелым торсом.

«Что же произошло в моей жизни не так?» – задала она сама себе вопрос и глубоко вздохнув, открыла глаза.

Родив сына, она села дома, без работы, став домохозяйкой.

Полностью погрузилась в семейные заботы, напрочь, забыв о своей фигуре, да и о самой себе.

Муж часто ездил в командировки по работе. Что за командировки были у него, она не могла знать. А чтобы его проверить, куда он ездит, считала ниже своего достоинства. Между ними давно уже существовало непонимание и прохладные отношения. Наряжаться, да и следить за собой, ей было не для кого. Сын занимал все ее время, а муж, когда возвращался домой, было уже поздно. В это время она была в ночной сорочке, готовая ко сну.

В той же сорочке готовила ему и завтрак по утрам, когда он уходил на работу.

Очнулась она от своих дум, услышав голоса, раздававшиеся из прихожей. Только теперь их было два, один, из которых, явно был женским.

«Автоответчик опять, что ли? В два голоса заговорил?!» – Только подумав, прислушиваясь к голосам из прихожей, как в ванную комнату влетела длинноногая девица. Точно, как Лариса себе нарисовала в своем воображении.

Увидев голою Ларису, успевшую приподняться в ванне, та громко завизжала и вылетела пулей из ванной комнаты.

«Вот чем он занимается в мое отсутствие! Как посмел привести эту "дрянь" в наш дом?!»

Набросив на мокрое тело махровый халат, она в ярости вылетела в прихожую, прихватив с собой литровую бутылку, наполненную шампунем. Лицо у нее было багровым от злости.

Выскочив в коридор, Лариса оторопела: перед ней стоял, едва оперившейся ее любимый сынок, и та самая девица, что влетела к ней в ванную комнату.

Девица спряталась за спину сына и выглядывала оттуда испуганным взглядом.

Она была старше сына лет на десять.

– Мама, мам..., успокойся, я сейчас все объясню. Ты, только, не волнуйся, не шуми, пожалуйста, прошу тебя! – Сын протянул обе руки в сторону матери, защищаясь от ее пронзительного взгляда, да и от бутылки, направленной в его сторону.

– Ой, сынок! – Мягко заговорила Лариса. А, что вы тут делаете?! – И тут же обратилась к незнакомке: Это не ваша, случайно, вещь? – Лариса открыла и взяла из тумбочки заколку, и протянула ее незнакомке.

– Да-да, моя! Я сегодня ее обыскала – тут же воскликнула незнакомка, и взяла из рук Ларисы заколку.

– Мама! – Начал в очередной раз сын. Я тебе все объясню...

– А где папа? – прервала его Лариса.

– Папа в командировке. Он сказал, что ты приезжаешь через неделю. А ты почему так рано вернулась?

– По вам с папой соскучилась, сынок – процедила сквозь зубы Лариса, и тут же предложила: Проходите на кухню, будем пить чай!

"Хорошо, что так закончилось! Сыном я разберусь. Правда, сынок прихватил себе слишком староватую, не по своим годам. А может это и к лучшему, чему малолетку – то? С той греха не оберешься! Пусть поучит любви эта девица. Небось, опыта у нее больше-то, в интимных делах. Вроде бы не гулящая" – подумала Лариса и, включив электрочайник, вдруг запела: «Отцвели, уж давно, хризантемы в саду...»

Вошедший за нею сын удивился ее поведению и тихо спросил: «Ты чего, мам?!»

– Да так, сынок. Все хорошо! Садитесь, будем пить чай.

Лариса радовалась: девица не любовница мужа, а пассия сына.

«И когда же сынок у меня вырос, что я и не заметила?!» – она глубоко вздохнула, но, тут же заулыбалась, увидев вошедшую на кухню девушку сына, и стала той задавать вопрос за вопросом, порой, не давая ей на них ответить.

Сын сидел молча. Он не мог, понять поведение своей матери, и сердце его было не спокойным. Что можно от нее еще ждать?

© Copyright: [Анна Присяжная](#), 2015

Свидетельство о публикации №215061400631

Глазами ребенка

Мамочка, мамочка посмотри какой динозаврик на небе! А вон фигура, как наш пёсик «Мурзик»! Ой, а вон горы...! – Малыш, задрал вверх голову, с восторгом восклицал, и тянул свою маму за руку, чтобы та, так же как и он, посмотрела на небо и увидела забавных зверушек, тех, что видел он, на небе.

А на небе и впрямь «сидели» различные зверушки, которые были сделаны из облаков. Там можно было увидеть, по крайней мере, узнать и фигуру динозавра.

Детские глаза видели то, чего мы взрослые, порой, не замечаем.

А ведь можно посидеть на лавочке, подняв вверх голову, устремив глаза в небо и наблюдать за плывущими облаками.

Посмотреть детскими глазами и представить, пофантазировать, как это делают наши дети.

© Copyright: [Анна Присяжная](#), 2015

Свидетельство о публикации №215091400649

Петькина территория

Собравшись во дворе дома, друзья старшего брата, а друзей у брата было много, шумно беседовали, и громко смеялись. Наблюдая за ними, маленький Петька не понимал, над, чем это парни так громко смеются?

Но глядя на них, улыбался: «Все хохочут, значит и мне нужно» – думал маленький Петька.

Вскоре ему надоело кривить ртом, изображая улыбку, он стал злиться на всех, что на него никто не обращает внимания. От злости, да и из-за вредности, Петька подошел к одному из друзей брата и, пока все были заняты смехом, не раздумывая, достал из латанных штанов своих маленький «писюлёк» и стал опорожнять его содержимое в ботинок гостя. При этом, подняв голову вверх, он улыбался.

Почувствовав теплую жидкость в своей обуви и, увидев, проделки Петьки, друг брата воскликнул: «Петрусык! Ты шо робышь?»

-Та, писаю, ты чё, нэ бачишь чи шо? – тут же, не отрываясь, сказал Петька.

-Та, пысай пид тын – прокричал друг брата.

-Так ты и видийды к тыну сам – проговорил Петька и, сделав своё дело, подтянув свои латанные штаны, отвернулся и быстро пошагал к себе домой, как ни в чем не бывало.

Петька в семье был шестым ребенком, и не последним. За ним шла еще сестренка Лидочка. Ангельской красоты ребенок!

Петька рос сорванцом. Отличался среди своих сверстников храбростью и задиристостью. Семья была большой. В то, послевоенное время, все семьи были большими и бедными. Страна с трудом приходила в себя от пятилетней войны.

Сказать, что семья Петьки была бедной, было бы несправедливо. Родители держали, в обязательном порядке, двух свиней в сарае. Куда же без свиньи в селе?! Была корова, теленок, куры, гуси, индюки. Сало было лакомым куском для всей семьи, поэтому мать не баловала больно им всех, а берегла его к праздникам.

Петька же, один из всех своих братьев и сестер, который умудрялся съедать его каждый день, хотя бы маленький кусочек. Он забирался в погреб, когда за ним никто не наблюдал и отрезал себе лакомый кусочек этого вкуснейшего продукта. Сколько себя помнил Петька, без сала он не мог жить. Как рассказывала ему мать: будучи еще грудным ребенком, она давала ему, вместо грудного молока, кусочек сала, и он, чмокая своим беззубым ртом, замолкал, засыпая.

В семье царствовал патриархат. Отец был намного старше матери, которую часто ревновал, порою устраивая разборки. Правда, мать никогда не бил. Перед ним все трепетали и боялись его.

Отец был настоящим хозяином в своем, построенном своими руками, доме. В нём он делал все сам, даже мебель, что стояла в доме.

Детей, которых было семеро, держал отец в строгости.

Если приходили гости в дом, то за стол сажать детей было не велено. За провинность получали ремня, даже маленькой Лидочке доставалось. Петьку же отец лупил редко. Наверное, потому, что нравился Петькин настырный характер, его боевитость.

В селе много было детей, рожденных во время войны, в то время, когда многие мужья были на фронте. От кого эти дети были рождены никто и не знал. Взрослые догадывались от кого, и, между собою, таких детей называли "Байструки", или "Солдатками".

Вот и Петька, слыша, как его дальнюю родственницу Марийку, которая жила напротив его дома, звали мальчишки «Солдаткой», не отставал от сверстников, и тоже кричал ей вдогонку: «Эй, солдатка!»

Однажды Марийка, проходя мимо его двора, остановилась. Задрав голову, стала разглядывать грушу, которая росла в центре двора.

Увидев ее у себя во дворе, Петька выскочил на улицу и, не дав той сказать не единого слова, начал кричать: «Солдатка! Солдатка!»,— не понимая значения, сказанного им, слова.

Назвав ее один раз «Солдатка», оскорбительным для Марийки прозвищем, она промолчала, но когда он повторил, то же самое, вновь, то терпению ее пришел конец, схватив, рядом лежащую острую «каменюку», она запустила Петьке в голову. Кровь хлынула ручьем из рассеченной раны. А Марийка повернувшись, как ни в чем не бывало, спокойно пошла к своему дому, ни разу не оглянувшись.

— Она меня, почему ударила, за что?! Она вон, какая «дылда»! Я бы ей тоже врезал, как следует. Еще больше бы врезал. Только я ниже ее,— кричал зареванный Петька, рассказывая матери свою встречу с Марийкой.

— А что же ты ей такого обидного сказал, что она тебя ударила?— допытывалась мать, промывая Петькину рану.

— Да я ее только назвал всего два раза «Солдатка», а она, как взбесилась,— Петька злился на свои сопли, которые текли из носа.

— Ну, сынок, я же тебе неоднократно говорила, что «Солдаткой» дразнить нельзя, так как это обидное слово для девочки — слушая сына, объясняла ему мать.

На следующей неделе, сынок, пойдете с Лидочкой в детский садик. Я вас уже оформила. Так мне будет спокойнее за вас. А то я целый день в поле, дома из взрослых никого нет, вы одни с Лидой остаетесь, волнуясь я за вас, а там, будете под присмотром.

Петька не знал, что это за детский садик, поэтому согласился с доводами матери.

Попав, в детский сад, Петька оказался, как в клетке. Этого он не ожидал и не хотел терпеть. Ему больше нравилась свобода, нравилось одному бродить по своему двору, охранять его, чтобы никто не зашел во двор, особенно такие же малыши, как и он сам. И, как — только всех детей, а их было всего две группы в детском саду, вывели на улицу гулять, увидев свою сестренку Лидочку, он подбежал к ней и, взяв ту за руку, пока воспитатели на них не обращали внимания, потянул ее к дыре в заборе, которую он давно приметил.

«Пошли домой, Лидочка — прошептал он ей, — дома лучше, чем здесь». — И, прошмыгнув в дыру забора, потащив за собою сестренку. Она засемила маленькими ножками за ним по дороге.

Петька бежал без оглядки в направлении своего дома, держа за руку свою сестренку, которая, кое-как успевала за ним. Добежав, до развалины старой мельницы, Петька сообразил, что надо спрятаться здесь, так как могут догнать. Вскоре так и вышло.

Воспитательница, добежав до мельницы, обошла ее кругом, покричала— покричала, но никого не найдя, вернулась вновь в детский сад.

А Петька, как — только скрылась воспитательница из вида, выскочил из своего укрытия с Лидочкой и вновь двинулся в путь в направлении дома.

Прибежав домой, Петька никого не обнаружил. Калитка была заперта, хорошо, что не на замок. Забравшись на сплетенную из прутьев изгородь, он открыл защелку, затем, спрыгнув на землю, завел сестренку во двор.

В дом входить не стали, да и дом был закрыт на замок. Где прячет ключ мать, Петька, конечно, знал, но он не стал входить в дом, так как вновь сообразил, что если будут искать, то только в доме.

Спрятавшись на огороде под большими кустами смородины, найдя подстилку, которую Лидочке мать стелила, когда та играла, прячась от солнца, Петька, обняв сестренку, тут же уснул на свежем воздухе, после перенесенного стресса. За ним уснула и Лидочка. Они не слышали, как их искали и звали. Обнаружила их мать, которая прибежала с поля, которой сообщили о пропаже детей.

После побега, Петька с сестрой в детский сад больше не ходили. Мать была расстроена тем, что за детьми

воспитатели, не смотрели, как следует, и больше их в детский сад не отпустила. Она вновь стала оставлять их дома одних, договорившись, правда, с соседями, чтобы те приглядывали за ее детьми. Старшие дети разъехались по городам, кто поступил в институт, а кто устроился на работу на заводе. В доме остались Петька, да сестренка Лидочка. Оставшись одни дома, Лидочка играла с игрушками целый день на улице, сидя в песочнице. Игрушки ей делал сам отец, выпиливая на станке из дерева. Петька же ходил по двору и посматривал по сторонам, а то, выглядывая в щелочки забора, не идет ли кто к его двору. Частенько, залезал на дерево и созерцал оттуда близлежащие дворы. Дома он находил себе разное занятие, не сидел, сложа руки.

В селе существовала такая традиция, среди малой детворы, защищать свой двор от «посягательства» на свою территорию.

Эта традиция действовала только между такими малыми сорванцами, как был Петька.

Однажды, когда все взрослые ушли на работу, сестренка Лидочка еще спала в кроватке – качалке, тоже сделанная руками отца, Петька, по каким-то причинам, проснувшись, задержался еще дома. В это самое время на его территорию посягнул сосед Славик. Он шел в магазин за растительным маслом, которое продавали в сельпо, на разлив. В руке Славик держал стеклянный двухлитровый бутыль.

Посмотрев, что во дворе никого нет, Славик пошел напрямик, чтобы сократить себе путь, а именно, через Петькину территорию.

Увидев, Славика, сквозь открытое окно, Петька выскочил из дома как ужаленный в одних трусах по колено, и как всегда босой.

Подбежав к Славику, он схватил того за рубашку и рывком прижав к себе громко закричал: «Куда идешь? Почему ты идешь по моей территории без разрешения?!»

Славик не стал оправдываться, а недолго думая, размахнулся своим стеклянным бутылем и врезал Петьке по голове.

К большому удивлению Петьки, да и самого Славика, бутыль разлетелся на голове Петьки, вдребезги.

Пока Петька морщился от боли и щупал свою голову, не идет ли кровь, да и соображал, что же сейчас произошло с ним, Славик пустился от него наутек к своему дому.

Когда мать пришла с работы, Петька не стал ничего рассказывать ей об этом случае, хотя в голове у него гудело, да и побаливало.

Славику же простить этого случая Петька не мог, и искал момент, как тому отомстить.

Однажды, подсмотрев, как Славик пошел в магазин, на этот раз без бутылки, что обрadowало Петьку, а только с авоськой в руке, Петька, перебежав улицу, встретил соседа на центральной дороге.

Правда, эта территория не относилась к Петькиной территории, но он все-таки решился на чужую площадь, и Славика «отмутузил».

Отшлепав Славику, прибежав домой, он залез на дерево и стал наблюдать, не идет ли Славика мать, которая могла Петьке надрать уши. Но, все обошлось. А вскоре Петька помирился да и подружился со Славику.

«Давай вместе охранять будем наши дворы» – предложил Петька Славику и первый протянул тому руку.

Петька рос, но оставался таким же задиристым. Мать часто ему внушала: «Пора тебе сыночек взрослеть уже» Но Петьке взрослеть и быть солидным мешал его собственный нос. Своего носа он всегда стеснялся. От природы, он у него был курносый. Даже не то, что курнос, он у него был, как картошка.

Но, как говорится: «не было бы счастья, да несчастье помогло».

Так вот: Петьке, несчастье и помогло.

Как – то, в очередной раз, сидя на дереве, он вдруг увидел, что у соседей стоит лестница, приставленная к стене, которая ведет на чердак сарая. Тут же сообразив, он спрыгнул с дерева. Промыгнул к соседям во двор, благо изгороди между соседями не было, Петька подбежал к лестнице и мгновенно по ней взобрался вверх. Лазать у него была любимая забава.

Часто забираясь на деревья, которых было множество в его дворе и, сбрасывая сверху яблоки, сливы, а то и собирая в таз вишню, он от удовольствия, сидя наверху дерева: визжал, свистел, улюлюкал. Деревья стояли во дворе, как великаны.

В тот день, взобравшись по лестнице до чердака сарая, дверца которого была приоткрыта, Петька вцепился за нее руками. Петли у двери оказались неисправны, и когда он потянулся, чтобы взобраться на чердак, как дверь вдруг отвалилась, ударив, всей своей массой, Петьку, по носу. Нос к вечеру раздулся, как две крупные картошины, слитые вместе, да еще ко всему и посинел. Петька двое суток из дома не показывался. Когда синяк и опухоль у него спала, благодаря различным примочкам, которая делала ему мать на нос, то, к удивлению всех, да и самого Петьки, нос выровнялся, и в дальнейшем, чем старше становился Петька, тем больше тот его радовал, своим профилем.

Детство быстро пролетело. Встав, взрослым, Петька покинул свой чудесный отчий дом. Став офицером, здесь он применил всю свою храбрость и волю командовать, он редко приезжал сюда. Любимый дом со временем опустел. В нем не стало не милой мамы, ни строгого отца. Никто о доме не заботился, и никто его больше не охранял, как это делал ранее маленький Петька. А позже его попросту продали старшие братья, за ненадобностью, не предупредив даже Петьку об этом.

У самого же Петьки была уже своя семья и свой родной дом, который он так же оберегал, как ранее оберегал свой отчий дом, от посягательств извне.

© Copyright: [Анна Присяжная](#), 2018

Свидетельство о публикации №218122001796

Обуздать жеребца

Я не думала, что после длительного перерыва, не смогу взобраться на лошадь и сесть в седло. В детстве мне это удавалось делать быстро. Может потому, что я была подростком смелым, любознательным, более проворным и озорным. А может, потому что меня в то время легко можно было посадить и усадить в седле, без всяких усилий?

Недавно, моя близкая подруга пригласила меня к себе в гости, загород, где имела свою конюшню.

Досталась она ей по наследству от отца, цыгана до кончиков волос, обожающего лошадей и сумевшего, в трудные девяностые годы, сохранить поголовье от гибели.

Лошадей было немного. Табун состоял из двадцати лошадей.

Я и раньше была в гостях у подруги, где та жила со своими родителями.

Посетив, полуразрушенную ферму, где было всего-то три жеребца, я была не в восторге от всего увиденного.

Мне показалось, что этому хозяйству пришел конец и, что – либо сделать, из этой затеи, у них не получится. Но я ошиблась.

Приехав, на сей раз, в гости к подруге, я увидела совершенно другую картину. Правда, отца подруги, вот уже год как не было в живых. Всем этим табуном управляла сама подруга.

Видно было, что она справляется с хозяйством прекрасно, так как оно расцвело и выглядело добротным.

Увидев, ухоженных лошадей у меня заблестели глаза.

Мне захотелось вспомнить свое детство и обуздать жеребца, восседая горделиво на нем. Уловив мой горящий взгляд, подруга предложила мне: «Ну, хочешь потряхнуть стариной?!»

«А что можно? Я с удовольствием!» – воскликнула я.

Ко мне подвели красавца – жеребца. У него, как и у меня горели глаза.

Взобраться в седло самой, было не реально и, естественно, нашлись желающие мне в этом помочь.

Двое молодых парней, работающие на конюшне, приподняли меня над лошадью, взяв за ноги, и стали усаживать на жеребца. Но я вместо того, чтобы вставить ноги в стремя завалилась всем телом в седло, не в состоянии развернуться или приподняться.

Ребята приседали от хохота, толкая мою одну ногу в стремя, а вторую стараясь перебросить на другую сторону, чтобы тоже вставить в стремя.

Наконец, повозившись на спине жеребца, я каким – то образом, развернувшись, уцепившись в его шею.

Жеребцу надоела вся эта возня вокруг него, он «зыркнув» своими большими глазищами на меня, издал какой-то звук из-под хвоста, а затем, заржав, пошел в галоп.

Благо, что моя одна нога была в стремени. Поводья взять, чтобы выпрямиться, я так и не успела, а продолжала на нем лежать, вцепившись в шею. От такой скачки у меня не было возможности приподняться, чтобы вставить вторую ногу в стремя. Мое тело, а в основном мой зад, подбрасывало и я, со страху, думала, что жеребец может сбросить меня и, зацепившись в одном стремени, я окажусь у него под ногами.

Призывая на помощь всех святых, я, наконец – то, смогла дождаться этой помощи. Ко мне, быстро сев в седло своей лошади, подросла подруга и остановила возбужденного жеребца, который намеревался, вот – вот было, сигануть через ограду загона.

Снимали меня с лошади, в шею которой я вцепилась мертвой хваткой, шесть человек, те были не меньше напуганы, чем я сама. Смеха уже не было, он наступил спустя час.

Этот жеребец отбил у меня желание еще раз забраться когда-либо на лошадь.

© Copyright: [Анна Присяжная](#), 2015

Свидетельство о публикации №215050200148

Байки врача, однокашника

Окончив медицинский институт мы, однокашники, собравшись в маленьком кафе напротив института, решили отметить окончания ВУЗа, где дали обещание друг другу встретиться, в таком же полном составе, а может даже с пополнением, через пять лет. Здесь же, на этом самом месте, чтобы поведать о своих трудовых буднях, а может даже о победах. Поговорить о своих впечатлениях нашей трудовой деятельности, да и просто, чтобы увидаться друг с другом вновь.

Больше всех агитировал за такую встречу, самый юморной балагур, студент, а теперь уже выпускник, нашего лечебного отделения, Александр, или, как его звали близкие друзья – Сашка.

Сашка любил над всеми подшучивать, такой возможности он никогда не упускал. С таким же большим удовольствием он смеялся и над самим собой, рассказывая разные смешные небылицы о себе, и сам же над ними катался со смеху.

Незаметно пролетели пять лет. Мы, как и договорились, встретились в назначенном месте, теперь это был уже ни кафе, а ресторан.

Первые минуты часа мы восхищались друг другом, называя каждого по имени и отчеству.

Многие смогли обзавестись семьями и приехали на эту встречу не одни. Нас собралось в два раза больше, чем было ранее, после выпуска.

Как всегда, первое слово взял наш неугомонный говорун и весельчак Сашка, или, как его теперь мы называли, Александр Васильевич, который поведал о своих приключениях, связанных с его работой, при этом, порою, как всем казалось, приукрашивая суть истинного дела.

Приукрашивать свои рассказы Сашка умел, но и правдивые истории, которые с ним приключились, доводили слушателя до истерического хохота.

Первую свою байку Сашка начал с момента, как он явился на работу, приехав по распределению в назначенное место. Как он знакомился с первым своим персоналом, и первыми своими больными.

«Как из вас многие знают – начал, Сашка, я приехал по распределению в отдаленную местность, в Забайкалье.

Природа там по – своему красива. Цвели в это время уже сопки, окружавшие небольшое поселение, пели птицы, они поднимали мое «упадническое» настроение. Поселок, как его называли, был не плох собой.

Попав в такой район, можно сказать, затерянный мир, мне крупно повезло, по той причине, что меня сразу же назначили работать главврачом, а это, как вы знаете очень престижно. Ну, дорогие друзья, вы сами это понимаете!

Я был безумно этому рад, что фортуна мне, мои милые друзья, улыбнулась.– И, тут, Сашка, от души рассмеялся.

«Ничего, пять лет переживу!» – про себя воскликнул я, зная о том, что эти пять лет хочешь, не хочешь, но должен отдать Родине.

Подъехав к месту, указанному в моем распределении, где я должен был трудиться, я оторопел. Это была зона заключения под стражу, где «тянули» свой срок, уголовники, в большинстве своем сидевшие за изнасилование и убийство. Я растерялся. Но делать было нечего. Не повернешь, ведь назад?

И я, с поднятой головой, показав свой паспорт и распределение охране, пропуска у меня пока еще не было, перешагнул порог тюрьмы.

«Вот же угодразило сюда попасть! Накаркал я сам себе, черт побери! Над друзьями подтрунивал, а сам залетел во тьму – тараканьи» – про себя подумал я тогда, но, вздохнув, с кислой

улыбкой, пошел по указанной тропинке к начальству тюрьмы, доложить о своем прибытии. В это время на плацу тюремной зоны были выстроены «коробочки», состоящих из лиц заключенных, приговоренных по разным статьям.

Лица, в этих «коробочках», показались мне серыми. Скажу проще – лица были земляными, такой же была на их одежда. В данный момент шла перекличка.

Навстречу мне выскочил, как чёрт из табакерки мужчина, небольшого росточка, пухленький и улыбающийся. Это и был начальник тюрьмы. Охрана ему уже обо мне доложила.

– Вот славненько! – чуть ли не прокричал тот, подбежав ко мне, и даже пытался меня обнять, хотя был он мне по пояс. Мы уже замучились без главврача, – продолжал говорить скороговоркой начальник.

Пойдемте, пойдемте, голубчик, я вас представлю всему нашему коллективу, – и он потянул меня к плацу, где были выстроены все служащие тюрьмы, стояли «коробочки» с заключенными.

Служащие, все-таки, отличались от заключенных своим внешним видом, да и лица их были румянее.

Серые лица заключенных с любопытством разглядывали меня. Многие смотрели открыто, я бы сказал – нагло, не опуская своего пронзительного взгляда. Я же не знал, куда себя деть от смущения.

Когда я подошел ближе к стоящим «коробочкам», тут же по всем рядам, как волна, прокатился шумок и причмокивание.

От автора скажу, что наш коллега, Александр Васильевич, был хорош собой. Черные усики, которые он начал отращивать перед окончанием института, обрамляли его красивое лицо, а высокий рост завораживал всех, и не только женщин. Поэтому нам было понятно, почему шло причмокивание заключенных, глядя на нашего коллегу.

"Какая милашка!" – услышал я за своей спиной, когда повернулся, ко всей той серой массе, то есть к «коробочкам», своим задом – продолжал с улыбкой рассказывать Сашка. От услышанного крика, который явно относился ко мне, я покраснел. Но, тут начальник представил меня всему коллективу.

Все меня приветствовали доброжелательно, и продолжилась перекличка заключенных.

После построения мне показали мое медицинское хозяйство, которым я должен был управлять, и мой личный кабинет.

Пройдясь по всей территории с начальником тюрьмы, я пошел в свой кабинет, в котором должен был трудиться, и где просуществовал вот эти все пять лет. Убрав со стола не нужные мне папки и разный хлам, сев за стол, я глянул в окно, которое было «зашторено» в решётку. Мне стало тоскливо и одиноко. Вспомнил, между прочим, всех вас, дорогие мои, однокашники! – Он обвел нас всех своим взглядом.

Посидев, несколько минут в гробовом молчании в своем кабинете – продолжал Сашка, – я пригласил к себе всех медработников. Провел, как полагалось, пятиминутку, со своим медперсоналом, и пошел в мед. изолятор, делать утренний обход больных, прихватив с собою еще несколько коллег и охрану. В лазарете лежало человек двадцать.

Осмотрев, всех визуально, я отложил две мед карты, которые меня больше всего заинтересовали. Затем зашел на кухню, где готовилась пища.

Отведав, разумеется, кое – что, я вновь направился в свой кабинет, по ходу движения, дав распоряжение охране, привести в мой кабинет тех двоих заключенных, медкарты которых я отложил, и которых хотел бы видеть для более тщательного осмотра у себя в кабинете.

День только начинался, до вечера было еще далеко, но я был бы рад его уменьшить, тогда, наполовину.

Не успев, просмотреть карты больных, что я оставил себе, как в кабинет ввели первого больного – заключенного.

Послушав его, я осмотрел все кожные покровы у него на теле, заглянул в рот и отпустил, сделав, кое – какие, пометки в его карте.

Следующий заключенный не заставил себя долго ждать.

В комнату ввели долговязого, в татуировках, с черными, сверлящими глазами, заключенного, который пронизывал своим взглядом меня насквозь. Сидел он по Статье 121. "Умышленное тяжкое телесное повреждение".

Охрана сняла с него наручники и, оставив меня наедине с ним, удалилась, закрыв за собою дверь, оставаясь на той стороне, охраняя кабинет.

Уголовник плюхнулся, в рядом стоящий возле стола стул, напротив меня и, не отрывая своего пронзительного взгляда, продолжал сверлить своими глазами меня насквозь. В разговор вступил он также первым, а не я:

–Ну, ты и милашка, смазливая!

Я побагровел от неожиданности, чему был зол на себя.

–Полно паясничать, больной. Лучше скажите, как вы себя чувствуете? – тут же привстал я со стула, чтобы осмотреть больного.

Но, не успел я к нему приблизиться, как заключенный снял с себя свою серую робу, чем удивил меня еще больше своим изобразительным искусством на своем теле, и только я открыл, было, рот, чтобы сказать: «Повернитесь ко мне спиной, я вас послушаю», как дверь распахнулась, на пороге появился охранник, сказав: «Я, дико извиняюсь! – пропустил в мой кабинет уборщицу, вернее уборщика помещений, такого же "зека", только одетого в растянутое трико, которое свисало с него, как кишка вниз, оголяя наполовину татуированную задницу. Тельняшка, одетая на нем, явно ему была мала, так как обтянула его разрисованную грудь, вырез которой свисал, чуть ли не до пупка.

– Он сейчас быстренько у вас освежит кабинет, чтобы легче вам было здесь дышать, и я его сразу же выведу», – проговорил охранник и, с грохотом захлопнув за собою дверь, закрыл ее, почему – то, на ключ, нарушив все инструкции, чему всех удивил, особенно меня, оставшегося в своем кабинете с уголовниками.

У меня похолодело внутри, ноги стали ватными, непослушными.

Я сел за стол, и нащупав тревожную кнопку, стал на нее изо всех сил давить. Но дверь не открывалась, чувствовалось, что там, за нею, уже никого нет.

«Блин! – мысленно подумал я. Зачем он на засов – то закрыл? Вот, придурок!» Я ругался про себя на охранника, а сам украдкой поглядывал на "зеков", которые в это время творили чудеса.

Вошедший уборщик, быстрыми движениями, стал мусолить шваброй по полу, не видя в упор этого пола. Он все время, находился ко мне, почему – то, задним своим местом. Штаны у него сползли еще ниже. Он приближался ко мне все ближе и ближе, при этом, периодически оборачивался лицом ко мне и ехидно улыбался своим масляным, беззубым ртом, да еще и подмигивал, как бы заманивая меня к себе, давая знак на сближение.

Я же врос в стул, и, не отрываясь, давил на злосчастную кнопку, которую, почему-то, заклинило.

"Черт, побери! Кнопка, что ли не работает? Где же охрана, куда она подевалась?!" – лихо-радочно думал я, ерзая на стуле.

А в это время, "зэк" – уборщик, виляя своим задом возле моего носа, вдруг отошел от меня и направился в сторону больного, который тоже, как и я, успел сесть вновь на стул, и с ехидной улыбкой наблюдал за мной.

Дойдя до больного, крутя своим задом, он стал делать какие-то странные реверансы возле его носа. А тот, недолго думая, размахнувшись своей огромной костлявой рукой, шлепнул «уборщицу – возжеланницу», по мягкому месту, при этом воскликнув: «Хватит, педя, крутить своей ж.... возле меня. Крути вальсок на стороне. Только вот беда, скажу я тебе, главврач – то

у нас с тобой новенький. Обезумел от страха, от твоей нежности, будем его сейчас вдвоем в чувство приводить. А может, покажем, с тобой, наш местный секс, а, педь?!"

Не помня себя, я вскочил со стула, как поджаренный на сковороде, и кинулся к двери, барабана, сколько у меня хватило сил, по ней.

В это время, из своего кабинета вышел и направился ко мне врач отоларинголог, на мое спасение.

Услышав, стук и крик из моего кабинета, возле двери, у которой, не было охранника, тот сразу понял всю сложившуюся ситуацию и поднял тревогу.

Тут же нашелся ушедший охранник, который, закрыв мой кабинет на засов, удалился с таким же охранником, в курилку, где травили анекдоты.

Выйдя из кабинета, я сел на пол, на свои обмякшие, ватные ноги. На меня было, в тот момент, страшно смотреть. Я был бледен, как белое полотно, по крайней мере, так думал я, так как на меня смотрели, стоящие рядом коллеги, с испугом.

От автора добавлю, что после первого своего приема, Александр Васильевич еще три дня приходил в себя, а потом поставил условие, начальнику тюрьмы, что все последующие приемы, с ним будут находиться в кабинете, обязательно: мед брат и охрана.

День первый оказался "казусным" для главврача и самым длинным в его жизни.

Рассказывая, Александр Васильевич сам с удовольствием хохотал, хотя в тот момент все понимали, что ему было тогда не до смеха. Бак у него было еще очень много, и все покатывались со смеху, а тот продолжал: Вышел я, как – то из своего кабинета, иду по территории к начальнику тюрьмы. Настроение – прекрасное! К "экам" я уже по привычке, да и к подковыркам их, тоже. Я шел и наслаждался ранним свежим утром.

Подойдя к окну, которое было распахнуто настежь, а я знал, что это окно кабинета начальника тюрьмы, приподнялся, решив, заглянуть к нему в окно, и таким образом с ним поздороваться.

Приподнявшись, я, от всего, что увидел, обомлел. На столе лежала отрезанная голова моего начальника.

У меня подкосились, как и в первый раз, ноги. Я присел от страха на землю и минуты две приходил в себя, а затем, очнувшись, стремглав полетел к охране, с криком: «Тревога! Тревога! Убили!» И стал рассказать всем, что я увидел в кабинете начальника тюрьмы. Тут же всех подняли по тревоге, мгновенно выстроили на плацу заключенных, создали комиссию и, открыв, дверь кабинета начальника, гуськом вошли туда. Я же плелся позади всех на ватных ногах. Войдя, в кабинет, все обомлели. На столе лежала фуражка начальника тюрьмы, а сам он, положив голову на стол, чуть ниже фуражки, она прикрывала его голову, мирно похрапывал.

Я же, из всех вошедших в кабинет, стоял последним, а любопытство брало, своё: «Ну, что там? Пропустите меня!» Я стал продвигаться в кабинет. От моего крика начальник проснулся. Увидев, толпу в своем кабинете, удивился, и с расширенными зрачками, глядя на всех нас, произнес: Что-то случилось? Я вроде бы совещание на сегодня не планировал?!

– Да, Вы – то не планировали, а зато это совещание запланировал наш главврач, в вашем кабинете – ехидно процедил, стоящий рядом со мной начальник охраны, и добавив: «Разрешите идти?» – тут же вышел из кабинета, остальные последовали за ним, оставив меня стоять с пунцовым лицом, и оправдываться перед начальником.

После, мы посмеялись над этой нелепой историей с ним, выпив по мировой, но, с тех пор, все подтрунивали надо мной, зная мой заячий характер.

Байки и смех наш, однокашников, звучал еще очень долго, почти до самого утра. Мы не хотели расходиться, даже выйдя из ресторана. В тот день мы бродили по ночному городу и не могли наговориться и насладиться друг другом, так как знали, что завтра нас ждет новая работа, новые села и города нашей необъятной Родины, новые больные, и новые приключения».

© Copyright: [Анна Присяжная](#), 2015

Свидетельство о публикации №215050200148

Отпуск на Кавказе

Решив провести отпуск на Кавказе, я с мужем, побросав вещи в машину, отправились в путь. Ехать такое большое расстояние на машине нам не составило никакого труда, так как мы менялись местами за рулем, чтобы дать друг другу передохнуть.

Часто, сев за руль, я с большим удовольствием нажимала на газ, хотя порою захватывал дух, преодолевая горные перевалы. Было жутковато, но я ехала с улыбкой по красивейшим местам Кавказа.

Приехав, к месту назначения, мы расположились в небольшом частном отеле, у подножия горной реки с чудесным названием «Кура». На ум, тут же, пришли замечательные строки из произведения Лермонтова: «Мцыри»:

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь...
Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж деревьев...

Лермонтов, как никто лучше, описал чудесную природу Кавказа.

Выйдя, из машины, мы наслаждались чудесной его природой.

Живя в большом мегаполисе, часто, сетуем на обилие в нем лиц кавказской национальности, хотя забываем, что мы все дети Бога, единого Отца.

Попав, в такой мегаполис, они, я уверена, очень плохо себя чувствуют в нем, после такой первозданной чистоты на своей родине. Поэтому они, порою, и ведут себя агрессивно, так как большой мегаполис предполагает это.

Природа, чистый воздух заворожили нас и мы, расположившись в номере, побросав вещи прямо у порога, на сутки отключились, забыв обо всем на свете. Такого сна я не испытывала никогда.

Живя, в задымленном от выхлопных газов, в крупном городе, я всегда не высыпалась, вечно страдая бессонницей.

Проснулись мы только на следующий день к обеду. Надев на себя одежду для туристического похода, мы отправились в горы. Горы были здесь изумительной красоты! Мы не могли налюбоваться панорамой вида, что видели перед собой. Нагулявшись на свежем воздухе, немного подустав и проголодавшись, мы спустились вниз, к реке, где расположилось небольшое частное кафе. Заглянув в него, нас тут же окутал удивительный аромат пищи, который своим запахом мог свернуть любого в бараний рог. Нас угостили свежей рыбкой, «Стерлядкой», выловленной из рядом текущей горной реки, а также угостили чудесным чаем, который рос, рядом с кафе, на обширных чаевых полях.

После обильного обеда нам с мужем предложили туристическую поездку в горы, с заездом в винный поселок, где можно будет попробовать любые сорта вин, коньяка и других напитков. Мы тогда не предполагали, что поездка эта будет для нас экстремальной, на машине ГАЗ-66.

Машина была явно военной, правда, давно списанной, скорее всего, в какой-то воинской части, при распаде Союза, а после продана частнику, вот для таких экстремальных поездок по горной реке.

В кузове нас поместилось человек двадцать. Вместо сидений были прибиты доски, на которых мы и расположились, прижавшись, друг к другу. Молодой водитель, как мы его потом назвали, – джигит, скомандовал: «Вперед!» – рванул по горной реке. Моё место оказалось у самого борта машины, под которым располагались колёса. Машина мчалась, рассекая воды реки, волны которой поднимались всё выше и выше, и вот я уже свободно доставала рукой воду.

Первое время меня даже это забавляло. Но, чем дальше мы удалялись от берега, тем река становилась глубже и полноводнее. Машина, издавая рёв, чихая, раздвигая волны, мчалась на полной скорости, ни на секунду не останавливаясь, вперед. Визг и крик, который стоял на борту машины, так как вода обрызгивала нас с головы до ног, не заглушали шум и рёв машины и реки. Дно реки было каменистым и нас трясло как на телеге.

Мне вскоре стало не по себе. Вдобавок ко всему, сверкнула молния, громыхнул, страшной силы, гром и хлынул ливень, заливая нас ещё и сверху.

Мы уже давно были далеко от берега, вокруг нас бушевала горная река.

Водитель, сидя в кабине, надевший на уши наушники, не слышал наши вопли о помощи. А может просто не хотел их слышать? Скорость он ни на секунду не сбавлял, представляя, наверное, что он едет по ровной асфальтовой дороге. Будто вокруг него не было никакой реки и грозы.

Вот машина выскочила на поверхность земли, вода схлынула с кузова, освободив всех нас от своего присутствия. Но, даже не на секунду не остановившись, не притормозив, джигит рванул в горы, по крутому серпантину. Все устремили свой взгляд в кабину водителя с мольбой, чтобы тот сбавил скорость. У нас не было желания, что-либо вокруг себя созерцать. Мы все молили только о помощи. Но, водитель на нас не обращал никакого внимания, а подпрыгивая, выделявал на сиденье всякие выкрутасы, явно под музыку, которая звучала в наушниках.

Промчавшись, по серпантину, полметра от обрыва, машина резко остановилась на открытой большой площадке, на вершине горы. Мы все боялись взглянуть вниз, где зияла пропасть.

Здесь, на верху горы, светило солнце, и была благодать.

Когда остановилась машина, окончательно, мы все громко выдохнули от счастья прибытия.

Выскочив, как пуля из кабины, водитель крикнул нам: «Всё, приехали! Наслаждайтесь природой, а потом, к столу, где рекой льется вино – он показал рукой в сторону стоявших столов, накрытых шашлыками и вином, где стояли продавцы мужчины, той же национальности, что и наш водитель.

Там всё бесплатно, пробуйте, сколько хотите. Ну, а кто захочет с собой взять – это уж за деньги, – он говорил с сильным кавказским акцентом. Вам всем даю, на всё про всё, два часа, думаю, вам хватит. Сбор здесь же, возле машины, лучше, если вы будете уже сидеть, к этому времени, в кузове». И усевшись, на рядом лежащий камень, облокотившись о скалу, вновь одев наушники, прикрыв глаза, замурлыкал.

Мы все выползли, а иначе и не сказать, из кузова и на дрожащих ногах двинулись кто куда, в разном направлении. Придя в себя, мужчины направились к столам, где манил своим запахом шашлык, где действительно рекой лилось, разного калибра, вино. А за ними и мы, женщины, потянулись за своими мужьями к столу.

Сев, за стол, где было много вина и много мяса с зеленью, мы стали расслабляться от стресса, который недавно получили. КрасОты, которые были вокруг нас, в данный момент нас всех не радовали и не восхищали. Обильно выпив и перекусив, сняв стресс с себя, только тогда мы стали бродить по вершине горы, любуясь и восхищаясь чудесной природой, её богатством.

Сейчас никто не задумывался над тем, как будем возвращаться назад. Стоял смех, разносились шутки, анекдоты, байки. Гостеприимству не было предела. Никто из нас никуда не спешил, да и желающих вновь возвращаться назад, было всё меньше и меньше.

Через два часа мы стали потихоньку стекаться к машине. Все были навеселе. Страх ушёл куда – то, заменив собой азарт. И когда, усевшись в машину, мы въехали в реку, то очередная глубокая яма, только больше нас раззадоривала, вводила в азарт, и мы начинали громко петь: «Шумел камыш, деревья гнулись, а ночка тёмная была...» На самом деле уже было темно, и только Луна, да звезды освещали этот экстремальный наш путь.

Как не странно, но джигит нас всех доставил в целости и в сохранности. Путешествие было незабываемым.

Кто желает испытать экстрим, милости просим на Кавказ, где живут добрые, храбрые джигиты, которые, не моргнув глазом, предоставят вам все экстремальные услуги.

© Copyright: [Анна Присяжная](#), 2015

Свидетельство о публикации №215071701040

Сон

Я тихо подошла к лёху* в полной уверенности, что внутри его находится мама.

Вдруг позади себя услышала мужской голос. Повернувшись на голос, я увидела поле заросшее бурьяном, посреди которого виднелась прополотая грядка. Будто бы кто-то её подготовил для посадки. Возле грядки стоял маленького роста мужчина, и когда я обернулась, то увидела, что он пристально смотрит на меня: "Вы, почему залезли на чужой огород?" – сердито спросил он меня.

Мне стало стыдно. Ничего ему, не ответив, я отвернулась от него и быстро побежала вниз по лестнице, в погреб. В голове у меня было одно, что там, внизу, должна быть моя мама.

Спустившись в погреб, я остановилась в ужасе, от всего, что увидела: предо мной лежала мама. Она была по пояс голая, и без ног. На лице ее и на руке были видны глубокие порезы, сделанные, как мне показалось, лопатой или ножом. "От лопаты или ножа?" – подумала я, и тут же проснулась.

Накануне, мы посетили Одессу. Отпуск мы специально взяли туда, узнав, что произошло с кладбищем, на котором была похоронена моя мама. В тот же день, по прибытию, мы посетили могилу мамы, куда ее перезахоронили, в связи с тем, что предприниматель, прибывший из США, бывший житель этих мест, выкупил землю, на которой находилось кладбище.

Кладбище стояло на берегу Черного моря. Место это было идеальным для курортной зоны.

Извлечение останков происходило в отсутствие родственников, по крайней мере, наши родственники не присутствовали, хотя брат мой и жил в двухстах метрах от кладбища.

Так как я живу в Москве, а мама похоронена в Одессе, то я узнала тогда, когда всё дело было сделано.

Приехав, на новое кладбище, которое теперь находилось недалеко от небольшого городка близ Одессы, я увидела огороженное поле, которое было не ухожено и всё заросшее бурьяном. Среди этого бурьяна, в противоположной стороне от ворот, были видны деревянные бирки, на которых значились номера. Номер нашей мамы, то есть её могилы, я узнала от брата, он же об этом узнал в администрации, и которому вместо стоящего ранее там памятника, выдали только номер захоронения. Бирки, на которых были написаны номера, располагались очень близко друг от друга. Памятник, естественно, что был ранее у нее, был изуродован и вывезен в неизвестном направлении.

Посмотрев на крошечный участок земли, где нам предстояло вновь устанавливать памятник, мы с мужем решили измерить, как полагается, два на два метра, чтобы заказать новый памятник и оградку. Заказав, в погребальном агентстве оградку и памятник, мы, для того чтобы «убить» время, решили отдохнуть в местном доме отдыха.

Перед сном, будучи еще в Одессе, я, вспоминая свое детство, свою мамочку, ее улыбку, почувствовав даже запах испеченных ею пирогов и хлеба, что она превосходно делала, я мысленно задала ей, вопрос:

«Мамочка, приснись мне, пожалуйста, скажи: полностью ли тебя выкопали из старой могилы, и с кем ты теперь соседствуешь на новом месте?»

... Прошло время. По прибытию в Москву, мне приснился этот сон.

Я позвонила, тут же, брату, в Одессу, чтобы узнать, а кто с мамой рядом теперь захоронен. И что вы думаете?

Оказалось, действительно, мужчина. Позже выяснилось, что он был маленького росточка.

Вот к нему-то мы и вторглись, тем самым нарушив территорию его могилы.

Я была в ужасе от этой информации, и обратилась к священнику, чтобы посоветоваться с ним, что же мне делать в такой ситуации: "Заказать молебен, или предъявить претензию к предпринимателю?" Священник, выслушав меня, успокоил: «Ничего не надо вам предпринимать по этому поводу. А то, что незаконно сделал предприниматель, выкопав могилы, будучи ещё свежими, Бог его накажет».

Прошел месяц. И тут мне брат сообщает, что предпринимателя убили.

Вот такие чудеса! А мы, порой, думаем: а есть ли потусторонний мир? Но, раз мне пришло то, что я хотела узнать от мамы, задавая ей мысленно вопрос, то отрицать бесполезно.

*Лёх – название погреба в Украине, который расположен на улице, рядом с домом. В такой погреб можно входить, как в дом, спускаясь вниз по ступенькам. Но, где холодно, как в могиле.

© Copyright: [Анна Присяжная](#), 2013

Свидетельство о публикации №213022301410

Командировка

Часть первая:

Отзвучал вальс Мендельсона, Алёне с Павлом кричали «горько», родственники и друзья поздравляли их. Они были счастливы! После окончания военного училища Павла направили в служебную командировку в одну из африканских стран. Сейчас они об этом не думали. Они наслаждались друг другом и рады были, что наконец-то их сердца соединились вместе.

Они лежали в постели. Павел еще спал, а Алена проснулась, но не хотелось подниматься и выходить с теплого гнездышка, где она сейчас находилась. Она млела от сумасшедшей первой брачной ночи, от счастья. За окном пели птицы, на дворе шумела весна. Всё вокруг расцветало.

В Украине – это самое красивое время года. Деревья цветут в каждом дворе, сады благоухают от разноцветного цветения. Стоит запах, такой, что захватывает дух! Птицы выют гнёзда, и стоит гул от их щебета.

Павел спал рядом, безмятежно. Алена рассматривала его лицо: красивое, скуластое. Поджарое и загорелое тело его развалилось почти, что на всю кровать. Она лежала на краю и боялась пошевелиться.

У родителей она была единственной дочерью, её баловали, но и требовали порядка. Отец был военным, мать врачом. Родители часто меняли место жительства, из-за профессии отца. Они жили то в коммуналках, то в частном доме, а то и в квартирах, снимая в поднаем.

Мать никогда не жаловалась на частые переезды и неурядицы. Она всегда успешно устраивалась на работу. Везде, где они жили, нужны были врачи. Алена сменила много школ, но всегда училась хорошо. После окончания школы она, не задумываясь, поступила, совсем, казалось бы, не в женский институт. Поступила на факультет приборостроения. Не захотев поступать в медицинский, как того желала мать. Ей всегда нравилось, что – то мастерить, конструировать.

Друзья родителей говорили: «Ну, вашей Алёне надо было бы родиться мальчишкой».

С Павлом она познакомилась в институте на танцах.

В тот день к ним пришли курсанты военного училища. Здесь часто появлялись курсанты, девчонки с удовольствием шли за военных замуж. Ведь они всегда в почете.

Павел выделялся своим высоким ростом и красотой. Она сама была хороша собой, высокая, стройная, и эту пару сразу отметили, как самую привлекательную.

Павел, как она позже узнала, был родом из деревни. В семье он был самым старшим, а за ним ещё пятеро братьев. На свадьбе никого из родных его не было, только три друга из училища.

Павел пошевелился, как будто бы почувствовав взгляд Алёны на себе, открыл глаза. Она ему улыбнулась и, поцеловав, прошептала: «Ну, что «соня» вставай, а то сейчас гости придут».

Он потянулся, быстро соскочил с постели и подошел к горке подарков, подаренные вчерашними гостями. Просмотрев их, он сунул руку в карман пиджака, в котором был на свадьбе и извлек оттуда конверты с деньгами, это были тоже подарки гостей.

Сев, на кровать он стал пересчитывать деньги. Сумма была приличной.

Алена засмеялась: «Ну, это мы с тобой в свадебном путешествии используем, когда поедем в Африку. Да, милый?»

–Нет, тратить мы их не будем, а будем собирать на машину. Ещё ковра два надо купить, а то нам всего один подарили. Ну, а главное машину, – тут же перебил он её. Он положил деньги снова в свой пиджак.

Алёна не расстроилась, а лишь поддакнула ему: «Ну, хорошо, на машину, так на машину».

Денег на свадьбу его родители не дали, а прислали только кусок сала и два вышитых рушника. Родители Алёны ничего не говорили по этому поводу, ну, по крайней мере она от них не слышала никаких замечаний.

«Что с курсанта возьмёшь?! – проговорил, как-то отец. Сам когда-то был таким».

Они радовались за дочь, что вышла удачно замуж. Красивый, высокий, стройный. Боялись, что она под свой высокий рост никого не найдет. Да еще, вот и в Африку уезжает. Все у нее складывается хорошо.

За границу их провожали все соседи, знакомые, друзья.

Часть вторая:

...Настя долго ждала вызова от мужа. Вот уже год, как он уехал в командировку, в одну из стран Африки. Она осталась с дочерью одна. Муж так надолго из дома не отлучался. Ей сейчас было тяжело одной.

Средств на существования не осталось. Благо, что она не уволилась с работы, как настаивал муж.

«Что я сейчас бы делала?! Нет мужа, нет средств на существование».

Она была благодарна своим сотрудникам, что те уговорили ее этого не делать. Оставшись одна, она почувствовала на себе, каково быть без мужа, каждый мужик старался ей уделять повышенное внимание, чего ей не хотелось видеть в отсутствие мужа.

Муж прилетел в отпуск через год. Она уже втянулась во все проблемы дома, работы, да и всего домашнего хозяйства, что навалилось на нее одну. Но всё равно была очень ему рада.

Отпуск пролетел быстро. В основном в заботах. Надо было готовиться к отъезду. На одно оформление документов ушло уйма времени.

Со школы тоже надо было забрать документы, чтобы перевести учиться в другую школу дочь. Время пролетело быстро, и незаметно.

И вот они уже летели с мужем вдвоем, дочь оставили у Настиной сестры. Куда они направлялись, нельзя было брать с собой детей, там шла гражданская война.

Самолет был полон, в основном мужчинами. Как ей сказал муж, это летели моряки на смену. Стоял шум, дым заполнил весь салон самолета. Было трудно дышать. Но вот самолёт поднялся высоко, стало свежее, и Настя расслабилась.

Первая дозаправка самолёта была во Франции. Настя впервые выехала за границу, ей все было здесь в диковинку. Она оглядывалась по сторонам, рассматривая все витрины, заполненные продуктами, вещами, которых она не видела у себя в Союзе.

Во Франции долго они не задержались. Дозаправка шла три часа, за это время все успели побегать по магазинам, которые были здесь, внутри аэропорта, или которые располагались поблизости. Мужики, в основном, накупили полные авоськи водки, вина, пива.

«Боже, что же будет в самолёте?» – Настя с ужасом смотрела на входящих в самолёт моряков и мурашки у нее бежали по коже.

Полёт длился двенадцать часов. Муж к такому перелету привык, поэтому в основном спал, а она же не могла себя заставить уснуть и все смотрела в окно, думая о своем. Она переживала за дочь. Сестра хотя и была учительницей, это было хорошо, сможет помочь дочери в учебе если что, но плохо было то, что та жила в районном центре, квартира без удобств, все было на улице.

У нее сердце разрывалось сейчас. Настя была не рада этой поездке.

Самолет приземлился ранним утром, но солнце уже стояло высоко и ярко светило. Спустившись с трапа, ей в лицо ударила жара. Такую жару она испытывала только в детстве, но здесь было жарче.

В Сибири, где Настя родилась, климат резко континентален. Зима суровая, а лето жаркое. Она всегда жарилась на солнце и была черной, как уголёк. Но сейчас здесь стояла зима. Она отличалась от лета тем, что каждый день, в основном в полдень, шли дожди, и не просто дожди, а ливни с грозой. Гроза была жуткой! Гром, так гремел, что стены и окна дрожали. А молния!.. – Это было, что – то невероятное!!!

Но все это длилось недолго, вновь светило солнце за окном и пахло озоном.

Дом, куда Настя приехала с мужем, охранялся с четырех сторон. Загорожен он был высоким забором, а сверху еще колючей проволокой. На крыше стоял пулемет, и какая – то зенитная установка. Охраняли иностранцы, кубинцы. Периодически летали вертолёты.

У каждого мужчины, кто здесь жил, было оружие, и они его держали у себя дома, вернее носили с собой. А перед сном у каждого наготове был чемоданчик и тут же рядом лежал пистолет, а у кого и автомат.

Это все Настю пугало. За пределы дома, кроме мужчин, (те под охраной куда-то каждое утро уезжали) никто не выходил. Всё крутилось внутри дома, во дворе. Там же показывали кинофильмы, иногда, по большим праздникам устраивали танцы, или концерт, который сами женщины и готовили. Здесь же во дворе была и театральная сцена, если её можно было так назвать. Слушателями были мужья, иногда представители охраны, т.е. иностранцы. День заполняли игрой в волейбол, теннисом, и ходьбой во дворе, вдоль стен. Раз в неделю приходили гости к кому-либо из мужей. Это были местные революционеры, аборигены, которые вели гражданскую войну. Гости любили получать подарки, и поэтому, уезжая из Союза, (все знали об этом), привозили бижутерию, чтобы потом можно было бы подарить пришедшему гостю. Насте об этой традиции тоже сказал муж, когда приехал в отпуск. Поэтому, бижутерией она запаслась в избытке.

Ностальгия не отпускала её. Она скучала и переживала за дочь, ей не хватало снега, и когда, кто – либо из дома уезжал в отпуск, в Союз, она, провожая их, плакала.

Потихоньку Настя привыкала к местности и местным жителям. А через две недели полностью освоилась.

Жара дала о себе знать, когда наступило лето. После обеда мужья не работали, отдыхали.

Выходили на улицу только к вечеру, когда становилось прохладней. Каждый старался нарядиться, и выходил во двор уже, как на какой – нибудь подиум. Во дворе дефилировали по кругу, огороженного двора, парами. Потом усаживались под навесом и начинали смотреть старые фильмы, которые, каждый из присутствующих, смотрел по три – четыре раза. Лента, периодически рвалась, и присутствующие кричали: «Механика на мыло!»

Настя с мужем поселилась на третьем этаже единственного дома, где проживали все советники со своими женами. В одном длинном коридоре проживало четыре семьи, каждый занимал по комнате. В комнате стояла большая деревянная кровать, над кроватью был натянут балдахин, он защищал от комаров, которые могли заразить малярией.

Кроме Настиного мужа, здесь проживало еще три пары, одна из которых, были молодожены. Молодая пара была красива собой. Но, чувствовалось, что женщине здесь живется очень плохо, она была бледной, и какой – то напуганной. На продуктах ее муж все время экономил.

Магазинов, таковых здесь не было. Поэтому все жители дома один раз в месяц делали заказ. Этот заказ отправлялся в посольство, а затем передавался снабженцам, которые пароходом привозили продукты.

Часть третья:

Прошёл месяц. Настя успела переболеть уже несколько раз тропической малярией, правда не в тяжёлой форме.

Они теперь старались с мужем больше заказывать фруктов, соков, чтобы повышать, после перенесенной малярии, гемоглобин, который “съедала” это проклятая малярия.

Молодая соседка, на которую Настя, по приезду сюда, сразу обратила внимание, ничего не заказывала из продуктов, делал это её муж. В его заказе никогда не было ни соков, ни фруктов, ни мяса.

Его жена, так же, как и другие жители этого дома, уже несколько раз переболела малярией, но питания нормального у неё не было, ко всему, она пугалась всех, чувствовалось, что ее, что – то тревожит.

Когда Настя задала вопрос, одной из соседок, по поводу этой молодой пары, то услышала интересные для себя вещи. Молодая пара, приехав сюда, всех заворожала своею красотой. Девушка была веселой, жизнерадостной.

Но вот в последнее время она из своей комнаты практически не выходит. Что с ней происходит, никто не может понять. Она всех избегает.

Настя решила с ней поговорить, по-матерински, так как на бедную, молодую женщину было больно смотреть. Но разговора не получалось, та старалась на глаза никому не попадаться.

Как-то ранним утром, Настя вышла на кухню, которая здесь была общей. Накормив, мужа завтраком, она, проводив его, отправилась к себе в комнату, но на своем пути столкнулась с молодой соседкой.

Та отскочила от неё, как от горячего утюга, но Настя успела дотронуться до неё и успокоить ее. После, пригласила её к себе в гости, в комнату. С испугом, посмотрев по сторонам, молодая женщина всё же прошла с Настей в ее комнату.

Угостив чаем с конфетами и печеньем, Насте удалось разговорить собеседницу. И тут, она узнает семейную тайну.

Алёна, так звали соседку, ждет ребенка, а муж ее, каждый день под дулом пистолета держит ее в страхе. Не разрешает никуда выходить, ничего не разрешает заказывать из продуктов. Заставляет на всем экономить. А если она начинает, что – то противится ему, то он подносит к ее лицу пистолет, взводит курок и грозит убить, и так продолжается уже месяц.

Рассказывая все это, Алёна умоляла Настю только ничего не предпринимать и никому ни о чем не рассказывать, так как боялась мужа.

О том, что она беременна он не разрешал никому говорить и злился на нее за это, так как в его планы сейчас ребенок не входил. Алёна не могла дожидаться отпуска, а муж ее, даже когда этот отпуск наступил, решил отказаться от него, не ехать домой, а еще подзаработать.

Настя успокоила Алёну и проводила ту к себе в комнату.

Проводив Алёну, Настя ещё долго раздумывала, как ей правильно поступить над услышанными словами. И тут она решилась поговорить с одной своей знакомой, с которой она уже успела здесь познакомиться и подружиться. Та состояла в женсовете.

Она быстро оделась и пулей выбежала из комнаты. Поднявшись на этаж выше, где жила ее знакомая, благо это было всё в одном доме, она постучала в дверь.

«Надо любым путем Алёну отправить на родину, чтобы муж ничего не заподозрил. Ее необходимо обследовать, тем более нужен гинеколог. И надо, чтобы муж Алёны заказал для нее нормальные продукты, а ей сейчас нужны, ох как нужны витамины!» – лихорадочно говорила Настя своей знакомой

Поговорив, и обсудив все детали, чтобы не сделать хуже для Алёны, Настя глубоко вздохнула. Подруга пообещала поговорить с начальством, чтобы в самое короткое время отправить Алёну с мужем домой в отпуск. Настя, успокоившись, пошла к себе в комнату.

Прошла неделя, Настя нервничала, этот секрет она не могла рассказать своему мужу, так как не знала, какая может последовать от него реакция. А, вдруг, он не удержится и выскажет, а хуже того еще и избьет соседа, что чревато будет для него, да и не только.

После долгих ожиданий, довольная Настя, со всеми другими женщинами провожали Алёну домой. Впервые она не плакала, а была довольная тем, что ей удалось спасти жизнь человека.

Через месяц, Павел вернулся один, без Алёны. Все собственно это и предполагали, и были рады за Алёну. Сам же Павел ходил все время злой, не приветливый. Он с удвоенной силой стал на всем экономить, практически себе ничего не стал заказывать, питался порой, срывая с дерева зеленые бананы, а в заказе были только дешевые макароны и крупа. Очень исхудал. Его высокий рост и худоба выделялась среди всех мужчин.

Через несколько месяцев Алена прислала письмо Насте, где писала, что её родители все предприняли для того, чтобы она осталась дома, а Павел вернулся в Африку один.

Сама же Алена попала в больницу, в неврологическое отделение.

После выписки из нее она подала на развод.

Так закончилась, еще не начавшаяся счастливая, как было видно изначально, семейная жизнь молодой пары.

Часть четвертая:

... Прошёл год, как Настя была здесь. Сколько за год произошло?!

Ей было страшно порой вспоминать.

Как – то ночью объявили тревогу. Каждый должен был собраться, взять с собой только тревожный чемоданчик и быстро выбежать на улицу к машинам. Машины держали маршрут к океану, по серпантину. Мужа не было, он улетел в командировку в другое место, здесь же в Африке. Насте выдали «лимонку» в руки. Она её держала и не знала, а что же с ней делать?! Кому – то дали автомат, пистолет. Мужчины были все вооружены. Некоторые женщины запрягались в бомбоубежище, но это только звучит грозно, бомбоубежище, а на самом деле обычный сарай с погребом. Одна женщина со страху залезла в рядом стоящий БТР, потом, после отбоя тревоги, никак не могли её оттуда вытащить, и не могли понять, как она туда забралась. Смех уже был после, когда все стихло и все улеглось.

Настя ещё долго, по приезду домой, боялась стоять возле окна, так как все время думала, что могут выстрелить в окно, как там, в Африке. Там, где они жили, это было постоянно. Но были и веселые, счастливые дни.

В один из праздников, в день независимости данной страны, был устроен карнавал. Карнавал был бедненький, так как страна воевала, магазины были все закрыты, разграблены, разбиты. Женщины шли полуголые, на грудях были узенькие полоски из материи, а многие женщины шли по пояс голые. Настя видела это впервые, и у неё от удивления улыбка не сходила с уст. Как-то, в сопровождении охраны, она со всеми женщинами своего дома, поехала в местный парк. Как ни странно, парк был цел и невредим. Места здесь были красивыми. Пальмы, горы, серпантин, да такой, что у Насти захватывал дух, когда она ехала в машине. Всё это впечатляло.

На высокой скале стояла большая статуя монаха, с распростертыми руками. Вид был изумительный! Просматривался весь город, как на ладони. Тут же внизу, у подножья монаха, сидела обнаженная негритянка и, почему – то, держала дулю, как бы всем, демонстрируя свое пренебрежение. При этом не прятала ее, а наоборот, держала на показ, да так, чтобы всем было видно, и каждый, кто сюда подходил, останавливался возле нее, становился рядом, и фотографировался на память. Вокруг была изумительная красота! В парке было тихо, как будто бы и не было вокруг войны, не было смертей, не было, этой чудовищной малярии, которая всех замучила своими вспышками.

Наступило время уезжать и Насти с мужем. Она поднялась по трапу на борт своего родного Ту– 124 и, увидев стюардесс, от переполненных ее было чувств, вдруг, обняла стюардессу

и заплакала. Настя, наконец – то, почувствовала, что она на родной земле, что она уже дома. Она была счастлива.

© Copyright: [Анна Присяжная](#), 2014

Свидетельство о публикации №214111601178

Пес, по кличке, Джулия

Аська выскочила из парадной, едва успев сунуть свои голые ноги, рядом стоящие домашние тапки и набросить на себя легкий плащ, из-под которого, предательски, выглядывала тонкая ночная сорочка, под которой не было нижнего белья. Осенний ветер, морозящим дождем, ударил ей в лицо. Волосы, после ночного сна, были растрепаны и смотрелись неопрятно. Она сейчас походила на сбежавшую сумасшедшую. Глаза были широко раскрыты, зрачки увеличены. «Джулия, Джулия!» – она кричала, бегая по всему двору. Не находя своей любимой собаки. Она забегала то в один двор, то в другой, но всё было тщетно.

«Вы не видели здесь черного пуделя?» – Она обращалась к каждому, кто ей попадался на пути. Ее трясло от холода и от страха, что пёс потерялся.

После часового променада, она зареванная забежала домой и с порога набросилась на мужа: Это ты специально его потерял. Ты давно хотел от него избавиться. – Аська рыдала навзрыд. – Боже, с кем только я живу столько лет?! Тебе никто не нужен. Как мне жить дальше без Джулии? – Она редела «белугой», кричала и не давала ему вставить ни единого слова.

– Дорогая, успокойся, – наконец-то муж смог перебить её. Я его отпустил для того, чтобы он смог сделать свои дела, кто знал, что он убежит. Я сам бегал по дворам его искал. Но Аська продолжала реветь, не слушая его. Ей казалось, что кто-то умер из её близких людей. Было дома тоскливо и пусто без пса.

...Прошел месяц. Аська, понемногу, успокоилась и готовилась в отпуск к морю.

– Дорогая, – как-то ей сказал муж. Надо съездить на дачу. Мы будем отсутствовать долго, закрыть бы не мешало там все, да и соседей надо попросить, чтобы присматривали за дачей.

В выходной день, ранним утром они выехали на дачу. Пока там всё привели в порядок, поговорили с соседями, а потом ещё стояли в пробках, солнце закатилось за горизонт. Подъезжали к дому уже стемнело.

Въехав в арку дома, фары неожиданно осветили двор, лавочку, на которой сидела детвора.

Аське в глаза бросилась девочка, в руках которой лежал чёрный пёс. Не увидев породы той собаки, которая промелькнула перед глазами, но она интуитивно почувствовала, что это её Джулия.

Она не знала, почему назвала, собаку-кобеля, женским именем. Но, как только муж внес в квартиру на руках чёрного пуделя, она сказала: «Ну, привет, Джулия».

Закричав мужу: «Стой!» – Аська, чуть ли не на ходу выскочила из машин.

Подбежав к девочке, державшего на руках чёрного пуделя, она скороговоркой проговорила: «Девочка, это твоя собака? Как её зовут?» И не дождавшись, когда та ответит на её вопросы, Аська выхватила из рук ребенка собаку и побежала к машине.

– Включи свет, пожалуйста, – прокричала она мужу, садясь на переднее сиденье. И стала ощупывать голову собаки, заглядывать той в рот. Аська знала все шишечки и зубки своей собаки, и поэтому, прощупав тело пса, она вынесла вердикт: «Это моя Джулия!» Девчонки окружили машину, не мигая, смотрели за тем, что делает неизвестная, как им показалась, сумасшедшая тётка.

– Так, девочки, признавайтесь, – начала Аська, обращаясь к детям, после осмотра собаки, – как зовут вашу собаку, и где вы её взяли? Девчонка, у которой Аська забрала пса, отрицала все, и лишь сквозь слезы повторяла: «Тётяшка, миленькая, это моя собака. Отдайте мне мою Джулию».

– Ах, его даже и Джулия зовут! – воскликнула Аська. Ну-ка, ну-ка, поподробнее. Говори мне всю правду. – Аська не заметила, что на детский плач собрались зеваки.

–Тетенька, простите меня, пожалуйста, не забирайте его у меня,– девочка слёзно умоляла. Папа его нашел на улице.

–А почему имя то же самое? Значит, вы знали, чья это собака?– процедила сквозь зубы Аська.

–Да, папа слышал, как вы его называли, но это я его уговорила, я очень хотела собаку иметь. – Она начала реветь на всю улицу.

–Отдай пса ребёнку, дорогая,– вмешался в разговор муж. Нам завтра уезжать в санаторий, куда мы его денем? Отдай, видишь, как плачет ребенок?

Аська поцеловала Джулию в лоб и сказала: «Прощай, родной» – и отдала пса девочке. Свои слезы она уже все выплакала ещё месяц назад.

Она глубоко вздохнула, и сказав: «Поехали»,– уже молчала до самой парадной.

© Copyright: [Анна Присяжная](#), 2014

Свидетельство о публикации №214111401

Гадалка

Новость, что рядом живет знаменитая женщина – гадалка, девчонки узнали от пришедшей к ним соседки. Сестренки переглянулись и наперегонки стали расспрашивать, где она живет, что она собой представляет. Им было все интересно, тем более, они собирались ехать, поступать в институт.

Расспросив, все подробно, где та живет, как она принимает людей, есть ли шанс к ней попасть на сеанс утром, они, проснувшись ни свет, ни заря, стали собираться в дорогу. Мать отговаривала дочерей, но они решили: «Едем!»

Автобус остановился в центре села, большого производственного села, где был свой сахарный завод.

Было раннее утро, солнце поднималось над горизонтом. Стояла красивая утренняя заря. Лучи солнца, поднимаясь над землей, задевали кроны и листья деревьев. Было очень красиво! Хозяйки выгоняли из дворов коров в стадо, звучало мычание, вокруг них ходил с кнутом пастух и периодически хлестал им по земле. Повсюду разносилось пение и куриное кудахтанье.

Расспросив, обо всем, мимо проходящую бабулю, где живет их знаменитая гадалка, они направились напрямик туда, куда им указали.

Подойдя к хате, покрытой железом, что было редкость в селе, они увидели, что хотя и ранний час, но уже – много народу. Оказалось, что они здесь не первые.

–Теперь про торчим здесь... – пробурчала одна из сестер, но тут же спросила: Кто последний?

Заняв, очередь, они встали у забора и тихо переговаривались. Солнце уже было в зените и нещадно палило, а они все еще сидели в очереди. Но, вдруг подул ветер, нагнал тучи, хлынул дождь, да такой, как из ведра. Все вскочили с места и прижались под крышей дома. В это время на пороге дома показалась женщина, совершенно слепая, глаза были закрыты, вместо глаз – ямки. У нее не было правой руки, выше локтя. Чувствовалось, что в молодости она была очень красивой. Даже сейчас это прослеживалось в ее лице, фигуре. Лицо, обезображенное слепотой, продолжало сиять красотой. Красивая грудь вырисовывалась из облегающего ее тела платья. Она была уже не молода, но во всем было видна ее женская красота. Своим мягким голосом она пригласила всех в дом:

«Люды, добри, прошу усих вас до хаты», – она говорила на украинском языке, голос лился, как ручей: завораживающе и успокаивающе.

–Проходьтэ, будь ласка, проходьтэ, – продолжала она, – не трэба мокнуть пид дождем».

После её слов все быстренько вбежали в дом. Людей уже осталось немного, человек десять, но они с сестрой теперь были вторыми.

...Война застала ее девятнадцатилетней девушкой, еще ничего не видевшую в жизни, в своем селе, где она родилась, где жили ее старенькие родители и больной брат. Молодежь в те года уезжала в Сибирь, на поднятие целины, но бросить своих престарелых родителей и больного брата она не могла.

Немцы вошли в село на рассвете, стоял крик, выстрелы и плач. Полицаи шли, совместно с немецкими солдатами по улице и выгоняли из домов всех молодых ребят и девушек, не успевших уйти на фронт. Забирали скот, и вообще всю живность, какая была в хозяйстве у людей. Всех гнали к вокзалу, где стояли товарные вагоны. Туда загоняли и людей, и скот.

В дверь к ним громко постучали, и тут же раздался крик:«Швидчэ, швидчэ видкрывайтэ»,– кричал полицейский, местный житель.

Все испуганно переглянулись, и к двери медленно, шаркая ногами, побрел отец.

«Видкрываю, видкрываю, нэ гуркуйтэ так звинко», – и, не успев отойти от двери, как тут же в хату ворвались трое полицейских, за ними шёл немецкий офицер.

Глянув на Оксану, забившуюся в угол, полицейай ткнул на нее пальцем, проговорив: «Сбирайся швидко на вулицю, – и тут же начал заглядывать во все щели. – Нэма бильшэ ни кого? – спросил он и посмотрел на родителей. – А дэ ваш парубок?»

Младший брат Оксаны, Гришенька, был болезненный мальчик. В детстве он упал с лежанки и ушиб голову, этот удар, впоследствии, сказался на его здоровье. Шея у него была повернута чуть в сторону, и он заикался.

– Да на вулицы дэсь Гришенька, – вступила в разговор мать, – дэсь вин бигае, а може до бабки Дуньки пишов.

Она еще продолжала перечислять, куда мог пойти ее сын, но полицейай перебил ее, ударив по спине прикладом.

– Сама пидэшь вмісто нёго, – и стал выгонять из хаты мать и дочь.

Немец, стоящий у дверей, загородил им дорогу, буркнув: «Найн!» – оттолкнул мать в сторону.

– Що, стара дужэ? – пролепетал полицейай, криво улыбнувшись, и, толкнув мать в сторону, вновь ударив её прикладом по спине: «Пишла вон!»

Оксану вывели на улицу. Там уже стояло человек тридцать ребят, таких же молодых, как и она. Все девчата, да и парни были из ее села.

Тут же выгоняли всю живность из сараев. Их, как и скот, гнали на вокзал, загоняя в вагоны товарняка.

Заполнив до отказа вагоны молодежью, их продержали там до темноты.

Тут же, возле вагонов, толпились родители, плача и умоляя, чтобы разрешили передать детям хотя бы еду и одежду теплую. Некоторым удавалось проникнуть к вагонам незаметно, это в основном были мальчишки, которым было по восемь – десять лет.

– Оксана Кромаренко, – вдруг она услышала тихий голос мальчишки, – возьми передачку, маты передала.

Оксана соскочила с места и пробилась к щели двери. Чумазый мальчуган стоял с противоположной стороны двери, там, где не было полицейских и немцев. Он просунул ей узелок, в котором лежала бутылка молока, полбулки хлеба, несколько картошин, и два яблока.

– Дякую, хлопче, – прошептала она и с трудом продвинулась на свое место.

Она присела на корточки, развязала узелок. С утра ничего не ела, и желудок сводило от голода. Рядом оказалась худенькая девушка-подросток из другого села.

– Сколько же тебе лет? – спросила её Оксана. – Что это они и подростков на работу в свою Германию гонят?! – Она отломала кусок хлеба, дала девчужке и тут же подала картошину. – На, ешь, только не торопись, слышу, что твой желудок есть просит. – Девчонка-подросток, схватив хлеб и картошку, с жадностью стала жевать, давясь.

– Да, ты не хватай так, не торопись, а то подавишься. На – глотни, молока, – и протянула бутылку с молоком.

Стемнело. Возле вагонов толпился так же народ: родители, старики, дети. Они уже не плакали, так как устали от криков и выстрелов.

В Германию поезд прибыл к вечеру следующего дня. Всех выгнали из вагонов и выстроили в шеренгу на площади. Здесь уже стояли какие – то гражданские люди, в руках которых были листки.

Когда они поочередно подходили к главному офицеру, показывая свою бумагу, то тот, заглядывая в неё, говорил: «Гут! Гут!» После этих слов, каждый из них подходил к прибывшим и выбирал себе столько человек, сколько было указано в бумаге. Взяв положенное количество людей, рабов, тут же увозили, кого на фабрику, кого на заводы, а кто брал к себе домой, для работы по домашнему хозяйству.

Оксана попала с десятью такими же девчатами, среди них, правда, было ещё два парня, к старым немцам, которые держали скот дома. В обязанность их входило: уборка коровника, конюшни, уход за скотиной, какая находилась в хозяйстве, плюс уборка территории.

Хозяйство у старых немцев было большим, и пленные удивлялись: «Зачем им двоим, старым людям столько живности?»

...Так прошло три года монотонных, ничем не отличающихся друг от друга. Они стали понимать немного немецкую речь, а Оксана еще могла и говорить, так как в школе изучала немецкий язык и не плохо им владела. Чувствовалось, что война подходила к концу, немцы нервничали.

Старый немец уделял повышенное внимание Оксане, что не могла не заметить его старая немка. Она ревновала своего мужа, но ему старалась этого не показывать.

Оксана была хороша собой, коса, которую она заплетала и укладывала вокруг головы, обрамляла ее лицо, красивые голубые глаза под черными бровями были просто загляденье.

Немец, не один раз, проходя мимо нее, говорил: «Гут, Гут, матка!»

Ребята, такие же, как и она, которые были рядом, узнали каким – то образом, что Советские войска уже в Германии, и вот – вот будут здесь, на территории хозяйства.

Каждое утро немец первый выходил и открывал все ворота, только после этого выходили остальные, те, кто обслуживал скот. Но в одно прекрасное утро, когда не предвещало никакой беды, хозяйка – немка сказала Оксане, чтобы та собиралась и шла открывать все двери коровника и конюшни. Оксана удивилась. «Доверять мне стала, что ли?» Она не знала, что парни раздобыли, где-то, взрывчатку, и положили ее под одну из дверей сарая.

Рано утром Оксана направилась к коровнику, все еще спали, кроме немки. Открыв замок, только взявшись за ручку и потянув на себя двери коровника, – дальше она уже ничего не помнила.

Очнулась она, когда Советские войска были уже в поместье, и в доме находились военные. Она слышала громкую русскую речь и не могла понять, где она находится, так как вокруг было темно. Дотронувшись руками до глаз, она ощутила на них повязку. Сидящий кто-то рядом быстро убрал ее руку с глаз.

«Найн! Найн!» – Оксана узнала голос немки. Она вновь потянулась левой рукой к глазам, но почему – то снять повязку не смогла.

«Что же это такое?» Она хотела поднять правую руку, но тут обнаружила, что руки нет, а вместо неё перевязан кусок руки, чуть выше локтя. Она резко дернулась и присела на кровати, потом стала быстро лепетать, на непонятном немке языке.

«Leg dir noch nicht aufstehen», – вновь заговорила немка. Оксана понимала её речь и услышала вдруг страшный для себя приговор: «du weißt, – тихо говорила немка, и как-то вкрадчиво, чтобы её, кроме Оксаны никто не слышал, да и, чтобы Оксана смогла её понять. – Я могу восстановить тебе три процента зрения. Я помогу купить протез руки, но только если ты останешься здесь, в Германии, у нас. Я знаю народную медицину и могу дать тебе еще кое-что. Ну, как, ты согласна?» Немка замолчала, продолжая сидеть рядом возле кровати. Оксана понимала её с трудом, не то, что она не разбирала то, что та говорит, а то, что у нее нет руки, и что она ослепла.

«Нет, нет, я хочу к маме, я хочу домой», – в истерике забилась Оксана.

В комнате послышалась русская речь, это вошёл русский офицер.

«Так, мадам, или как там вас, – начал офицер. – Эй, переводчик, – вдруг закричал он, – ты, где там запропастился? Переведи немке, что мы девушку забираем в госпиталь, и давай сюда санитаров и носилки».

Оксана пролежала в госпитале несколько месяцев. Шёл 1945 год. Праздновали победу. Везде играла музыка, слышен был смех, пение, танцы. Её привезли домой совершенно слепую

и без руки. Отца уже не было в живых, старая мать, сама плохо видящая, рыдая, бросилась Оксане на шею: «Донечка, що же воны с тобою зробылы?»

... «Проходите, проходите – вновь заговорила слепая гадалка. Присаживайтесь. Придется вам друг о друге все слышать, но ничего, вы все из разных мест, многие, правда, есть родственники». Она была права. Все еще на улице знали, кто и откуда сюда приехал.

Карты у неё, почему – то были черного цвета и какие – то необычные. Как будто бы прочитав, мысль одной из сестёр, она сказала: Карты – это мне в Германии еще немка старая подарила. Она меня и гадать научила, да и остальному своему таланту, когда меня в госпиталь забирали. Она, ведь, попросила на часочек меня оставить с ней наедине, якобы сделать мне перевязку специальными мазями, а на самом деле передала мне это искусство и сказала напоследок: «Это тебе будет кусок хлеба заработать, жаль, что ты не согласилась у нас здесь остаться, ты бы у меня увидела свет».

Слепая гадалка вздохнула и, взяв левой рукой руку сидящей рядом с ней посетительницы, начала говорить той тихо так, чтобы всем остальным не было слышно. Но, после того, когда она, что-то проговорила посетительнице, та вскрикнула: «Ой! Людэньки, цэ, правда, цэ так и було...»

Женщина была закутана в платок, лица ее не было видно никому. Но, тут она сняла платок, и все увидели ее избитое, в ссадинах и синяках лицо.

«Бачитэ,– начала она снова,– бачитэ, що вин зробыв зи мною», – она говорила по-украински, но понять ее было легко.

–Ну, рассказывай, в чём же я права оказалась? – перебила её гадалка.

Та вдруг поерзала на стуле и, заплакав навзрыд, начала рассказ: Мы приехали сюда с другого места, вернее, муж местный, а жили мы на Дальнем Востоке. Муж после армии там остался. Поженились мы с ним, дети у нас родились, все было хорошо, пока вот сюда не приехали.

Решили мы старый дом его родителей разломать, а новый чуть подальше построить. Уже поставили стены, возвели и крышу, все сделали, осталось побелка. Надумали ночь в нем переночевать.

Ночью, часов в двенадцать, вдруг одна сторона стены полностью рухнула. Мы испугались, но ночью ничего не сделать, решили переждать до утра, в другую комнату перешли и практически не спали.

Наутро муж стал разбирать кирпичи, и вдруг находит в одном углу дома, да и в противоположном углу, по яйцу куриному. А тут, откуда не возьмись, старый дед идет и говорит мужу: «Не тронь, сынок, эти яйца, не тобой положено, не тебе их и брать».

Муж рассердился и отвечает: «Да брось ты, дед, ерундой заниматься, иди своей дорогой, куда шел», – взял эти яйца, да и разбил, выбросив в ведро.

Стену вновь мы с ним поставили за день, к вечеру поужинали и легли спать, вдруг он в двенадцать часов просыпается, и давай головой биться об кровать. Потом меня избил, гонит из дому и говорит мне: «Теперь моя жена будет Варька, а ты уходи из дома».

Я побежала к его брату, тот еле его успокоил, пришлось даже связывать. И так началось каждый день после двенадцати ночи. Через неделю он уже сам измотался, да и на мне не было живого места на теле. Я с ним и в церковь ходила, да он только доходил до ворот и бежал оттуда назад.

Потом, в ночь на Пасху, опять соскочил в двенадцать часов ночи, поднял всех детей с постели, поставил в ряд возле себя и говорит: «Повторяйте за мною: «Варька наша мама!»

Дети плачут, испугались все, так как глаза у него были, как у сумасшедшего, просто страшно смотреть. Я к нему: «Ты, что с ума сошел?» – Так он меня, видите, как избил? Лица не видно».

Гадалка прервала её: Это ему не Варька сделала, а другая женщина, но на Варьку все подстроила. Дом вы не там стали возводить. Надо было в другом конце огорода его ставить. А сейчас ты пойдешь к одной бабуле, перебинтуешь себе руку, будто бы со сломанной рукой к ней идешь. Но лучше тебе идти к ней так, чтобы никто не видел. Она тебе поможет. Пойдем, я тебе скажу ее адрес. И они вышли в соседнюю комнату.

... Ну, кто из Вас пойдет первым? – обратилась она к сестрам, когда вернулась, и села за стол.

Младшая сестра сжалась, с мольбой посмотрела на сестру, и к столу пошла старшая. «Ну, давайте с меня начнем» – проговорила она.

– Ну, с тебя, так с тебя, – ответила гадалка и тут же продолжала. – Ты сейчас приехала к матери из ниметчины, ну, из Германии. Беременная ты сейчас, девочка будет, да и вообще, на роду двое детей у тебя, но есть дилемма: оставлять этого ребенка или нет. Если выбросишь три рубля за него, на аборт отдашь, то муж твой от тебя уйдет.

– Да Вы что?! Я не беременна вовсе! – сестра нервно заерзала.

– Ну, людэньки, подывиться на нэи, вона думает раз я не зряча, то ничего не бачу, – она вновь перешла на украинский язык. – Ну, если ты только еще сама не знаешь об этом. Срок маленький, но знай, что ты родишь еще дочь, она только спасет твой брак. – Скоро у Вас будет гроб, – продолжила она. «Ой!» – тут уже вскрикнула младшая сестра.

– Нет, не родители, не пугайтесь так. Из ваших, кровных кто-то, но это престарелый. Сами скоро увидите. А вот отец у вас, хоть всю жизнь и болеет, но мать больней его. А поступать ты пойдешь в институт иностранных языков, – продолжила гадалка. Бойся там мужчину, нехороший он, завалит тебя.

Ну что, младшенькая сестричка, надумала ко мне подходить? Давай ко мне теперь ты, а ты садись на её место и подумай о ребенке, что я тебе сказала – вдгонку она бросила старшей сестре.

Младшая тут же вскочила со стула, лицо её от волнения пылало, но она быстро села на стул, на котором сидела сестра. Гадалка взяла одной своею рукою её горячую руку в запястье, попросила разложить карты так, как она ей сказала, и начала: У тебя выбор сейчас, куда идти поступать. Или в медицинский институт, или на иностранный факультет. Пойдешь в институт иностранных языков вместе с сестрой, но на разные факультеты, но... там, остерегайся белую женщину, она тебя может «засыпать» ненужными вопросами и в итоге тоже «завалит» на экзамене. И ещё: ты сейчас переписываешься с парнем, да и не с одним... все напрасно, у тебя будет муж в военной фуражке, только он тебе укоротит жизнь.

Она еще много говорила, правда меньше, чем старшей сестре, но все было для сестры младшей важно, интересно и загадочно.

Они вышли задумчивые от гадалки, двоякое чувство обуревало ими.

Дождь прекратился, светило солнышко. Через неделю они уезжали сдавать экзамены в институт иностранных языков в Киев.

Старшая сестра поступала на факультет немецко-испанского языка, а младшая – на англо – испанский факультет. Как и сказала гадалка: старшую сестру на немецком «завалил» мужчина, а младшую – белая женщина. Да и всё то, что говорила сестрам гадалка, сбылось.

© Copyright: [Анна Присяжная](#), 2013

Свидетельство о публикации №21302

Крещение

Мы жили вдали от цивилизации, поблизости нашего населенного пункта не было ни церквей, ни храмов. Да если бы и были, то вряд ли нас окрестили бы в то время, так как отец был коммунистом, а значит, атеистом, который не признавал никаких вероисповеданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.